

**Наталья
ЛАВРЕЦОВА**

г. Псков
(д. Савкино)

Ю. К.

Часть 1
ПРОЩАЙ!

«Я потерял мечту, двигаясь в темноте, женщину жду не ту, слышу слова не те...»

— Смотри, будешь стрелять — не промахнись!

Каурин коснулся губами ее щеки, и уже через секунду лента эскалатора отнесла их друг от друга.

— Да смотри не наруби там дров сгоряча! — уже на расстоянии крикнул он вслед. Но Лерика услышала. Кивнула, улыбнувшись, и на бегу помахала ему рукой. Словно пообещав — и не промахнуться, и не нарубить...

И принялась отсчитывать ногами торопливые метры дальше.

«Обними меня покрепче, мой товарищ Асмодей, — много есть мужчин и женщин, — мало преданных людей...» — еще пронося в себе тепло кауринской улыбки, спешила она. Пока шли с ним, болтая, до метро, пока она собиралась с духом, чтобы рассказать, пока от новости он приходил в себя...

Опомнилась только теперь — до поезда оставались считанные минуты.

«Судьба-не судьба, успею-не успею, судьба-не...»

Но вот и Казанский вокзал, суета, неразбериха платформ.

Да где же он, где же... И где же та платформа, уехала, что ли, тоже? Бывает такое с платформами?

Уф, вот он наконец — ее поезд! На платформе стоит, как и полагается. И не едет даже.

Ну теперь остается суший пустяк... Раз, два, три... Ну до тринадцати-то считать она умеет. Все, вот он! Её — тринадцатый! «Катится, катится голубой вагон...» И не катится даже — стоит.

«Судьба, значит!»

Продираясь через узкий проход, оккупированный корабейниками, Лерика разыскивала своё — боковое верхнее. Место, конечно, не фонтан, но выбирать не приходилось — взяла то, что дали.

Место обнаружилось ближе к дальнему тамбуру. Оно почему-то уже оказалось занятым. На нем устроился большой лохматый дядька.

*Прощай —
здравствуй...*

рассказ

Не особенно переживая, ибо поводом для переживаний сейчас просто ничего не могло быть, Лерика еще раз, на всякий случай, проверила билет и протянула его мужчине:

— Извините, но это моё...

Тот вскинул на нее полусонные глаза, но молча встал и переместился на нижнюю небоковую, где уже сидела одна пожилая дама. Сказать проще — бабуля. Она окинула взглядом купе, в котором предстояло коротать эти сутки. Кроме лохматого мужика, напротив друг друга сидели две дамы почтенного возраста, сказать проще — бабули. Против нее же, на нижней боковушке — крупный габаритный дед.

«Да, купе просто молодежное...»

Лерика вздохнула и вытащила из сумки скромный набор дорожных припасов. Боль, отступившая было при встрече со старым другом, снова начала забираться. Прикрыв глаза — уперлась затылком в стенку:

*К чему рассуждать об идее,
что горы сдвигает вдали,
Мы просто друг друга хотели
на всех расстояниях земли...*

Проводница идет собирать билеты. Оказывается, одна из верхних небоковых полок пока свободна. Лерика делает на нее робкую заявку.

Та неопределенно пожимает плечами:

— Видно будет после Горького.

После Горького так после Горького... Как там у Цветаевой: «Мне совершенно все равно, мне совершенно все едино».

*Сходились, потом расходились,
друг друга не в силах понять,
А губы по-прежнему снились,
глаза продолжали звать...*

Дед пристает с разговорами. Он ездил к брату, на Украину. Теперь возвращается домой в Киров. Оказывается, в мире есть много разных городов. Про Кировск она знает, это на севере, недалеко от Мурманска. И под Питером, кажется, тоже есть Кировск.

А вот в Кирове она еще никогда не была. Ах да, оказывается, это бывшая Вятка. Вятка, Вятка, сердцу сладко...

*Придурки, смешные поэты,
несчастные дети земли,
Мы мир свой соткали из света,
из музыки счастье сплели...*

Дед предлагает украинского сала. Ей не хочется украинского сала. Ей вообще сейчас ничего не хочется. Аппетит куда-то пропал. Оказывается, аппетит пропадает тоже. Правда, есть в дорогу вместо сока — бутылочка безалкогольного, чипсы, орешки. Орешки, чипсы... Вот этим и займемся.

*Но счастье трещало, скрипело,
ишатаюсь на всех сквозняках,
И все же по-прежнему пело
в летящих навстречу глазах...*

Только сейчас Лерика наконец заметила, какой холод в вагоне. Просто дубак натуральный. И ощущение, что с каждой секундой становится все холоднее. Ага, оказывается, вагон не совсем исправен. Общая система отопления не работает, проводницы будут топить его вручную.

— А что вы хотите — тринадцатый... — пожимают они плечами.

*И треснуло, чтоб в одиночасье
взойти семяющей травой,
Но звезды, распавшись на части,
становятся просто трухой...*

Так, не забывая пиво закусывать орешками, чипсами... Чипсами, орешками...

Лохматый мужик уже залез на свою верхнюю небоковую и прикрывшись простыней. Такой дубак, а он — простыней... Бабули что-то не очень ладили между собой. Ругают холод, вагон, проводниц, заодно все на свете. Берут по два одеяла. Советует это сделать и Лерике. Она тоже берет два одеяла. Дед напротив спать пока не собирается. Ладно, сидим дальше...

*А два «укротителя слова»
свой мир заземлить не смогли —
Буравицков и Орлецова
исчезли с пространства земли.*

Мужу с верхней полки, видать, стало холодно под одной простыней. Он вскочил... И вдруг, вытащив откуда-то плоскую резиновую грелку, помчался с ней по коридору. Лерика заметила, что он хромает... Кого же он напомнил своей хромотой? Ах да, их соседа по бывшему студенческому коридору Муранкина. Что-то толкнуло в сердце. «Ау, Муранкин, где ты? Нету тебя...» Они узнали новость этим летом. Поставили между собой бутылочку красного, любимого Муранкиным «Киндзмараули», зажгли свечу — и всю ночь выли под гитару. У Буравщикова ползли слезы и капали прямо в бокал.

Стоп... Она не о том... Об этом не надо.

Мужик явно какой-то прибабахнутый. Вместо того чтобы взять у проводницы одеяло, притащился со своей грелкой и опять забрался под простыню. Может, больной?

Лерика чуть глянула на него сбоку.

Нет, так на Муранкина он походил мало. Глаза узкие, маловыразительные, подбородок оплывший... Хотя подбородок только слегка оплывший, со следами явной очерченности, про такой говорят — волевой.

Небось, такой в жизни все привык решать сам. Такой не будет оправдываться и валить на обстоятельства...

*Ты — умер, и на склоне дня я наш взяла портрет,
И оказалось, что меня на снимке тоже нет.
Все было: руки и глаза, и поворот в анфас...
Но встала мертвая слеза в живом разрезе глаз.*

Мужик опять пронесся по проходу, обращая внимание своей походкой. И даже в походке этой была какая-то упрямая решительность.

Да уж, такой точно не ляжет «жертвой обстоятельств». Не будет жевать вялую жвачку по телефону, придумывая какую-нибудь оправдывающую чепуху.

Интересно, кем он работает? Есть что-то смешное в грелках этих, походке, во всем его облике...

*Сначала я еще была, и было все кругом...
Исчезла лампа со стола, где мы сидим вдвоем.
Потом гитара со стены вдруг медленно сползла
И наши золотые сны с собою унесла...*

Дед перестал жевать сало — за окнами поплыли огни города.

— Горький! — сказал он. — Стоим почти полчасика, можно пойти размять ноги.

Лерика еще посидела какое-то время и тоже решила пройтись. Накинув шубу, вышла на перрон... И ветер сразу же пробрал до костей.

Возле киоска с продуктами она снова наткнулась на мужика-соседа. Он стоял, сунув голову в окошко, и сзади казался таким неловким в своей скособоченной неуклюжести, а волосы на голове торчали дыбом.

Он обернулся... И Лерика увидела в его руках... бутылку пива, чипсы и орешки.

Она купила в киоске шоколадку, пакетик кофе на утро... А в висках продолжало стучать, словно раненная птица пыталась прорваться сквозь прутья железной клетки:

*И губы, те, что целовал, навек в любви клянясь,
Бледнели, будто бы опал, не веря и смеясь...*

Ветер все-таки загнал в вагон. Дед опять устроился со своим салом. Бабули уже разобрали постели и теперь ворочались на своих полках. Лерика потянулась рукой к безалкогольному...

Нет, не хочется. Ничего не хочется. Пиво надоело. И орехи надоели, и чипсы. И чипсы, и орехи. Все, все надоело.

*Ах да, еще была рука в двойном обхвате рук.
Так, без кольца, так на века —
она исчезла вдруг...*

— А вы теперь можете смело переходить на эту полку, — неожиданно раздался голос.

Лерика подняла голову. Лохматый мужик обращался к ней.

— Горький уже проехали, так что теперь ее вряд ли кто займет.

— Спасибо. — «А ему-то что?»

Но, немного подумав, все же пошла к проводнику.

Разрешение было получено — и она принялась перебираться. Уже устроившись и прикрывшись журналом, заметила вдруг, что мужик-сосед, законопатив уши кнопками плеера, поглядывает на нее. Еще больше спряталась за журнал.

*Но тот цветок, что на лугу ты мне сорвать успел, —
Как капля крови на снегу — горел, горел, горел...*

— Ты куда едешь?

— Что?

Мужчина напротив, вытащив из ушей кнопки наушников, смотрит на нее.

— Я говорю, куда едешь?

Лерика несколько удивилась. «Вы» в его обращении явно не предусматривалось. Разговаривать не хочется.

— В Свердловск, — кашлянула она. Голос вяло дернулся. — То есть теперь уже снова в Екатеринбург.

— А зачем? — убивал он ее бесцеремонностью вторжения. — В гости?

«Как же! Сейчас скажу. Если бы еще и сама знала...»

— В командировку.

Лицо вблизи проявилось с еще большей отчетливостью.

Да, действительно, подбородок хоть и оплывший, но... Говорят, с годами человек сам формирует свое лицо. А еще говорят: «Душа на лицо полезла...»

Он еще что-то спрашивает, и, чтобы отвлечься, Лерика отвечает встречным вопросом:

— А можно я спрошу?

Он смотрит с интересом.

— Вы... всегда путешествуете с грелкой?

— С грелкой?

Мужчина удивлен, он даже смеется. Такого вопроса он явно не ожидал.

— Вообще-то, в последнее время довольно часто.

— Это вы... чтобы в дороге не замерзнуть?

Он смеется снова. Смех у него живой, явно контрастирующий с маловыразительным взглядом узких глаз.

В вагоне уже тепло. Даже жарко. Проводницы расстарались как следует.

— Сейчас объясню, — говорит он. — Только начать надо издавна. Дело в том, что я всю жизнь увлекался рыбками аквариумными, еще с детства. А сейчас это, можно сказать, стало моей профессией. Езжу в Москву, покупаю на Птичьем рынке рыбок, растения, корм и перевожу их в Киров. Там у меня что-то вроде собственной рыбной фирмы.

Лерика слушает, не особенно и вникая.

— И что? — все же старается проявить заинтересованность. — Эти рыбки сейчас с вами?

На самом деле просто так спрашивает, из вежливости. Если бы только он знал, насколько ей сейчас нет дела — нет ни до него самого, ни до его рыбок... Уж прости, мужик!

И все же есть какое-то несоответствие между большим лохматым мужиком и маленькими аквариумными рыбками.

А он вдруг говорит:

— Сейчас покажу, — и лезет рукой на верхнюю багажную полку, начинает шарить там в одной из своих сумок.

А губы те, что целовал, навек в любви клянись...

Нет, не то...

И лишь безумные глаза поверить не смогли...

А он вытаскивает плотно перетянутый резиной раздутый полиэтиленовый пакет. В полумраке купе под потолком висит большая прозрачная капля. В полиэтиленовой капле плавают настоящие маленькие рыбки.

Он объясняет, кто здесь кто. Среди рыбок есть неоновые, меченосцы, есть даже какая-то дорогушая немецкая рыбка...

Лерика удивляется или делает вид, что удивляется... Надо же все-таки удивляться.

— У меня там в сумке несколько пакетов с рыбками. Вот грелка мне затем и нужна... Чтобы, если уж в вагоне холодно, поддержать рыбкам температуру.

— А-а, теперь понятно... — все-таки с уважением смотрит она на мужика-соседа:

— И что, чтобы всем этим заниматься, наверное, нужно специальное образование? Вы где-то учились?

Мужчина-сосед на минуту замолкает.

— А вот с образованием у меня не получилось, — взглядывает он на нее, словно спрашивает: «Продолжить?»

— Дело в том, что еще в детстве... Да и в юности тоже я серьезно занимался спортом — лыжами, — решает он продолжить. — Очень серьезно. Мне даже предлагали пойти в институт, чтобы выступать за сборную. Но я учиться не хотел — хотел только заниматься спортом. И занимался им, ну просто как помешанный. Пока однажды... — Он делает паузу, словно набирает в грудь побольше воздуха. — В общем, в семнадцать лет я

сошел с дистанции. Сломал ногу — вылетела коленная чашечка. Полностью вылетела...

Он снова смотрит на Лерику: понятно ли это ей? Но она молчит.

— Потом долгое время только борьба за жизнь...

Лерика слушает вполуха. Но не посочувствовать она не может. «Коленная чашечка... Какой ужас — коленная чашечка!»

— Чего только со мной не делали... А становилось все хуже и хуже... Я уже чувствовал, что становлюсь домашним обузой. Еще немного — и всё, конец — уже начиналась гангрена. А родители все надеялись спасти ногу... И тогда я дождался, пока все уйдут... Сам вызвал скорую и сказал: «Режьте!» Ну и...

— Что?

— Отрезали... Отрезали ногу выше колена.

— То есть... Вы хотите сказать... У вас нет... Вы без ноги? — как-то вдруг теряется Лерика. Уж как-то сказал он это очень обыкновенно, типа «отрезали кусок хлеба»... — Но... Вы же ходите! И не так сильно хромаете. Забираетесь на верхнюю полку... Как же вы? — удивление ее было искренним.

— А... С протезом.

— Да вы же просто... Маресьев! — не может она так сразу найти подходящие слова.

— Да, когда утром я проснулся после операции, именно эту книгу и нашел у себя на тумбочке: «Повесть о настоящем человеке»! — он чуть усмехается. — Но у Маресьева отрезали только части ступни. А у меня не было ноги выше колена...

Он снова смотрит на нее, словно ждет реакции.

Но она молчит... А что тут скажешь? Да и можно тут что-то говорить?

— Перспектива вырисовывалась не очень веселая. Остаться инвалидом, прикованным к коляске. А мне — семнадцать. И тогда... Я сказал себе, пусть это и банально звучит: я научусь делать все! Ни от кого ничем не буду отличаться! Не буду ни от кого зависеть. Стану, как говорится, полноценным членом общества...

Лерика не заметила и сама, что слушает его уже по-настоящему. Ее захватила история мужика-соседа.

— Ну вот — я все и могу, — не без гордости сказал он. — Хожу, даже танцую. Плаваю,

правда приходится надевать длинные полиэтиленовые трусы, чтобы протез не промокал. На мне, кстати, даже проверяли новый протез для плавания. Плынешь, а он сзади как поплавок, пяткой в воде торчит.

— Фантастика! — удивленно качает она головой. — Да ваша история, пожалуй, покруче, чем у Маресьева.

Ободренный ее словами, мужик-сосед продолжает:

— И, чтобы доказать себе, что все могу, я всерьез занялся слаломом. Байдарочным слаломом. Брал пороги высшей категории сложности. Знаешь, такие, где одни таблички и флажки...

И взглядывает снова: понимает ли она, Лерика, что это такое — одни «таблички и флажки»? Она понимает — таблички и флажки в память о тех, кто порог не взял. Или взял, но там и остался.

— Но... — медлит она, чувствуя, как против ее воли происходит очарование мужеством. — Зачем же так... Зачем же снова-то было так рисковать? — ей почему-то становится жалко мужика-соседа.

— Что?

— Я говорю: зачем же снова-то так рисковать было? Ведь вы же один раз жизнь уже чуть не потеряли?

На самом-то деле ей понятно, очень понятно. Но ей почему-то хочется знать — что на ее вопрос ответит этот человек?

— Конечно, сейчас люди за деньги и в космос летают. Для остроты ощущения. Но ведь вам-то, наверное, их хватило?

Теперь уже он смотрит на нее. Мужик с соседней полки внимательно смотрит на нее, он даже привстал на локте.

— Знаешь, ты задала такой вопрос... Мне казалось это понятным, даже и в голову не приходило... А ты... Ты просто поставила меня в тупик. Не знаю, как объяснить... В твоих глазах я, наверное, дурак какой-то, на рожон лезу. Но, во-первых: доказать хотелось, что все могу! Потом это такое ни с чем не сравнимое чувство, когда берешь порог! Взял! Понимаешь — взял! И сразу дальше жить хочется!

Лерика слушает его... Смотрит...

И вдруг видит перед собой глаза. Они совсем не были тусклые, вялые или сонные. Они бы-

ли живые. А лицо рядом — молодое, красивое и сильное.

«Так вот откуда у него этот волевой подбородок...»

И невольно представила себе, как лезет на порог этот — с полутора ногами, в полиэтиленовых трусах, сжав в жестоком упрямстве зубы.

— Я много ходил на байдарках, в основном по Карелии, там мне все порожистые реки знакомы. Потом у меня был детский туристский клуб, водил в байдарочные походы ребят...

— Ребят? — вот уж с педагогом он у нее никак не ассоциируется.

— Да, лет десять я занимался этим клубом. Учил их, как справляться в экстремальных ситуациях — брать пороги. Мальчишек, девчонок...

«Еще и педагог! — начинает Лерика все больше уважать мужика-соседа. — Это же какая ответственность!»

— Только сейчас вот... Что-то затяжелел, обленился... Занимаюсь вот рыбками. На жизнь хватает — и ладно... — сказал он вдруг без всякого подготовительного перехода.

— Ну уж... — продолжает Лерика нести в себе это невольно возникшее восхищение. — Человека с таким прошлым уже трудно представить себе, как вы говорите, «обленившимся, затяжелевшим».

— Ну что делать... Жизнь есть жизнь, — тянет он каким-то изменившимся, поскучевшим голосом, будто это и не он рассказывал ей сейчас удивительную историю. — Видимо, возраст берет свое... Уже хочется прийти домой, сесть в кресло перед телевизором, заткнуть уши плеером — и все! И больше ничего не надо. Ничего не хочется...

Сказал он это как-то так, что ей вдруг даже захотелось отвернуться от него, заставившего ее поверить в какую-то чудесную сказку, под названием «жизнь». А ведь это была не придуманная сказка какого-нибудь Шарля Перро с приключениями «Кота в сапогах».

— И все-таки странно, — еще не успела вернуться она от него окончательно. — Человек, который всю жизнь рисковал, искал экстремальные ситуации... И вдруг... — она пожала плечами и перевела взгляд на журнальную страницу.

Глаза с полки продолжали ее просверливать.

— А знаешь... Может, ты и права. — Он помолчал. — Просто, наверное, у меня сейчас период такой... — мялся он в нерешительности. — Я и правда весь какой-то... Опущенный... Может, потому и такая ко всему апатия, — и снова замолчал, продолжая поглядывать на склоненное к журналу лицо соседки.

Поезд продолжал постукивать по рельсам. Бабули внизу уже спали, перестав ворочаться. Спал и наевшийся сала дед на нижней боковой.

— В общем... — словно на что-то решился он. — Я... любил одну женщину. Десять лет любил. Конечно, не скажу, что за этот период у меня никого не было, я мужик нормальный, но... Ее я любил. И ждал... — начал он свой новый рассказ. — И дождался. Она пришла ко мне сама. И была со мной четыре месяца. Представляешь: десять лет и четыре месяца. А потом вдруг... Раз, и ушла! Но ведь, главное, ушла-то как! Еще в обед звоню домой — все нормально, ждет. Обед приготовила. А вечером приезжаю — ее нет. И никто не знает, где она. Я давай обзванивать друзей, родственников. Нигде нет. А уже ночь. Я — чуть ли не по больницам, не по моргам... И только уже поздно вечером на следующий день, когда я чуть не поседел весь, ее мать позвонила и сказала, что она ушла... Ушла к своему бывшему. Жалко ей его стало. Но ведь могла бы сказать! Сказать мне сама! Может, я бы и понял... Я все могу понять, все пережить, а вот предательство... Предательство — нет! Это выше моих сил.

Лерика смотрит на него, слушает... Она даже отложила свой журнал.

«Что такое говорит он о предательстве? Мужик говорит о предательстве»? Что-то очень знакомое, очень...

Не этими ли словами взрывалась несколько дней назад ее телефонная трубка: «Я не могу пережить предательство!»

Да что же это со всем миром происходит? Что, все предают друг друга? Или он все это подслушал?

Лерика смотрит на него... На этого странного человека. Она смотрит сквозь него...

И что-то перестает понимать. Она даже не понимает, откуда доносится голос.

Свет в вагоне уже давно погасили. Снова какая-то станция.

Народ входит-выходит...

Кажется, они разговаривают вечность. Вечность целую...

Он снова что-то начинает говорить... О чем он говорит?

Ах да, о предательстве. О том, когда человек предаст человека. Мужчина — женщину. Женщина — мужчину. И как жить? Как потом с этим жить? А если это не четыре месяца, а годы? А если это союз больше, чем мужчина-женщина? Больше, чем брат-сестра, больше, чем...

*И лишь безумные глаза поверить не могли,
Что их заставили взглянуть за краешек земли...
Унес глубокий водоем двух лиц автопортрет.
И там, где были мы вдвоем, струился черный свет.*

Черный свет, черный, черный... Чернота за окнами, чернота кругом... Лерика лежит, отгородившись от мужика чернотой. Своей чернотой...

— Что с тобой? Почему у тебя такие глаза?

— Какие?

Его рука протягивается к ней... Она чувствует его пальцы на своей щеке...

— Грустные. У тебя очень грустные глаза... Кажется, даже слезы. Дай-ка вытру...

Он гладит ее лицо, гладит так бережно и нежно...

Какие мягкие у него пальцы, какие нежные...

Кажется, это продолжается вечность... Или ей хочется, чтобы это продолжалось вечность? Но почему она не отталкивает его руку?

А почему она должна ее отталкивать? Разве она кому-то чего-то должна? Теперь она разве кому-то чего-то должна?

Но какие же теплые у него пальцы, какие же нежные...

— Ты будешь моей золотой рыбкой. Я сделаю тебе большой-большой аквариум.

— Но я не люблю, когда со всех сторон подпирают стенки.

— Хорошо. Тогда ты будешь жить на воле, а я буду тебя прикармливать. Слушай, зачем тебе ехать в этот Свердловск? Давай выйдем в Кирове. Я покажу тебе город...

— Надо... Мне обязательно туда надо.

— Но зачем? Скажи мне. Расскажи мне хоть

что-нибудь о себе. Мы с тобой говорим уже почти всю ночь, а я про тебя ничего не знаю.

— Я тоже не знаю даже, как тебя зовут.

— Значит, пора познакомиться. Только ты не смейся над моим именем.

— Оно что — такое смешное?

— Особенно в сочетании с отчеством. В общем, зовут меня Эверест, и отчество подходящее — Эрастович.

— Эверест... Эрастович? — все-таки не смогла сдержать она удивления. Среди ее знакомых подобного имени-отчества не было точно. — Хорошо еще, что не Эльбрусович.

— Я предупреждал.

— Да я не смеюсь... — подавила она в себе невольную улыбку: «Для человека, берущего пороги, пусть даже в полиэтиленовых трусах, и тем более в них — имя-отчество самое подходящее!»

— Да, — кивнул он, словно подслушал. — Наверное, назвали так специально, чтобы я всю жизнь пороги брал. Или вершины.

— Зато теперь кто-то из женщин, может, скажет с гордостью: «Я покорила Эверест», — все-таки не удержалась от улыбки Лерика.

— Может, кто-то и скажет... — покивал он. — Кстати, вторая составляющая моего имени — отчество отца — обозначает «любящий». Имей это в виду.

— Любящий... Эверест? — Лерика качает головой все изумленнее. — Нет, такого в моей жизни не было точно.

— Вот видишь... — Лерика даже в темноте почувствовала и его улыбку. — Хотя бы для этого мы должны были встретиться... Чтобы в твоей жизни тоже был свой Эверест! Ну а тебя-то как зовут, покорительница?

— А меня просто — Лерика. Можно еще проще — Лера.

— Ле-ри-ка, — произнес он так, словно пробовал имя на вкус. — Красиво, почти как музыка... Эверест и Лерика. Это как сила и нежность. Лерика-лирика... Да, это твое имя, — напробовав на все лады, покивал он. — Слушай, Лерка, — а можно я буду тебя так называть? Скажи, а с тобой было когда-нибудь? Чтобы вот так, с попутчиком... На верхней полке?

— Мне и в голову бы такое не могло прийти. А у тебя?

— Первый раз в жизни! Да я вообще человек

малоразговорчивый. Сам не понимаю, как ты могла меня разговорить?

— Да я особенно и не старалась.

— Пришла, согнала сонного мужика с места. Я сидел, дремал... А потом ловил на себе твои взгляды.

— Разве? Просто ты меня заинтересовал своей грелкой. Что, думаю, за чудик такой с грелками носится?

— Значит, все дело в грелке? — он улыбнулся снова. — А ты мне сразу понравилась. Еще когда сидела внизу, листала свой журнал. Я только не знал, как с тобой разговаривать. Взгляд у тебя такой... Строгий и грустный одновременно. Почему у тебя такой грустный взгляд?

— А он уже и не грустный. Ты просто не видишь в темноте.

— А ну дай посмотрю...

Он перекидывается локтями на ее полку, и Лерика ощущает вблизи тепло его щеки, его плеча. Оно кажется ей таким надежным. И ей совсем не хочется его отпускать. Вот так бы сейчас — мимо Кирова, Свердловска — над всеми бабками, дедками, изменами, предательствами, над всем на свете...

— Ты заедешь ко мне на обратном пути? Я видел у тебя ручку. Дай-ка я запишу тебе свои координаты.

И он записывает в темноте на ощупь свой телефон, свой адрес, мамин телефон, мамин адрес и даже место, где плавают его рыбки.

Внизу ворочается дед. Приоткрыв глаза, смотрит на часы. И, делая вид, что ничего не замечает, спит дальше.

— Этот дед-то выйдет со мной в Кирове. А что ты скажешь утром этим бабкам, как будешь себя чувствовать, ведь я-то выйду?

— А я скажу... Я скажу им... что это был мой муж.

Даже не видя, Лерика чувствует, как напряглась его спина.

— Не бойся, я пошутила.

— Ты обязательно заедь, Лерка! Я буду ждать!

Потом он все-таки перебирается на свою полку, и пространство вокруг как-то сразу оголяется. В чуть мерцающем свете коридорной лампы они, каждый со своей полки, смотрят друг на друга, словно пытаются что-то понять...

— А вот скажи, Лер, — не выдержав через мину-

ту, он снова перекидывается к ней... И они опять начинают болтать.

Под ним снует одна из проснувшихся бабок. Она ползает под ним как под железнодорожным мостом, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Наконец делают попытку уснуть. Через час ему выходит.

Глаза смыкаются, но заснуть невозможно.

Скоро Лерика видит, как подходит проводница, начинает его будить. Он только что задремал. Проводнице удастся это с трудом.

Но вот он открывает глаза, соскакивает...

Его лицо снова оказывается рядом. Лерика смотрит на него — вблизи, впервые вот так, по вертикали. Зарывает свои пальцы в его волосы — сейчас она уже не видит их лохматости, наоборот, они кажутся ей такими мягкими, шелковистыми.

— Проводница тебя будила, а у нее ничего не получалось.

— Так надо было спросить у тебя. Ты бы показала, как надо.

— А откуда она может знать, что я знаю... А я знаю?

— Ничего, я тебя научу. Когда приедешь. Ты приедешь?

— Не знаю. Я сейчас ничего не знаю. Мне кажется, что все это сон. Ведь не может же такое быть на самом деле. Надо уснуть, потом проснуться — тогда, может, я и пойму.

— Тогда — засыпай скорее!

Оба одновременно смотрят за окно.

Поезд уже давно стоит в Кирове. Дед, прихватив авоськи с украинским салом, уже исчез в проходе.

И он, тот, который только что стоял рядом, тоже начинает потихоньку исчезать. Стаскивает с верхней полки сумки и первой походкой уже выскакивает на перрон. Потом его фигура появляется в полумраке снова... Лицо выныривает, на секунду прикасаясь к ней губами.

— Так помни, Лер... Я буду ждать! Не проедь мимо!

И исчезает окончательно.

Поезд трогается. Лерика смотрит на проползающую мимо платформу, огни города...

И продолжает чего-то не понимать. Вернее, не понимает ничего. Только почему-то становится

жалко, что его фигура не мелькнет больше в проходе вагона.

«Зато теперь мне есть о чем думать...» — и, откинувшись на спину, она закрывает глаза.

Когда днем она проснулась... в купе было солнце. Ослепительное солнце. Ослепительнейшее.

В этом солнечном колоссе тонули деревья. Поля и пригорки, переливаясь звенящей синевой, создавали ощущение праздника.

Такое же солнце было и у нее внутри. «Ну просто Эверест сплошной!» — невольно улыбнулась она.

Одна из бабуль все-таки не удержалась:

— Уж не попутчик ли ваш это оставил? — указала она на пакет, лежащий на верхней полке, делая акцент на слове «ваш».

Лерика как раз пила кофе, сидя с краешка маленького общего столика. Она спиной ощущала, что бабули обязательно ее о чем-нибудь спросят. Пакет был только поводом.

— Нет, — улыбнулась она. — Это мой пакет. А он уже вышел давно, в Кирове.

— Мы знаем, — значительно посмотрела на нее сидящая рядом.

— Мы все слышали! — не преминула сообщить и вторая, усиливая голосом значительность темы.

— Извините, если помешали вам спать. — Лерика глотнула кофе.

Она продолжала удивляться. Никакого смущения и неловкости не было и в помине. Наоборот, было хорошо, спокойно и радостно.

— Ничего, — прошепестела первая. — Лишь бы у вас сладилось.

— Да человек он вроде порядочный. В гости приглашал. Кучу телефонов вот оставил... — постаралась Лерика вписаться в контекст бабулиных ценностей.

— Ну-ну... — снова качнула головой сидящая напротив. — Все они сначала порядочные.

— Жизнь покажет, — добавила первая.

И обе поджали губы, словно уже все зная наперед, пребывая в своей нажитой бабулинской мудрости.

А Лерика... Пила кофе, слушала и улыбалась! Вопреки всем бабулиным выводам и всему прочему — вопреки!

Она вышла из вагона и по городу давно знакомым маршрутом поспешила в сторону автовокзала. Она была рада этому городу — ведь, в конце концов, он ее ничем не обидел. Ну что ж, раз ее сегодня никто не встречает... Столько раз встречали, что один-то уж раз...

Она пришла вовремя. Автобус на Брянкино отходил через десять минут.

Устроившись на заднем сиденье у окна, она готовилась отправиться знакомым маршрутом. Ей хотелось как следует пережить, просмаковать эту дорогу — в последний уж раз. Теперь-то уж наверняка — в последний. Так пусть же она запомнится ей, эта дорога, по которой....

Стоп! Сейчас главное — не тратиться на воспоминания.

Через два часа она прибыла в Брянкино.

В здании Брянкинского автовокзала ей тоже все было знакомо. Все так же продавали пирожки с капустой — едва она вошла, поплыли навстречу знакомые дразнящие запахи. Не удержавшись, купила теплодышащую парочку.

Главное — теперь она знает, что делать.

«Смотри, будешь стрелять — не промахнись!» — проговорил кто-то ей в ухо кауринским голосом. Словно напомнив о цели приезда.

«Да не промахнусь!» — мысленно отозвалась она, перекинув за плечами винтовку — тяжесть была ощутимой.

Направилась в сторону кассы, берёт билет. В город, из которого только что приехала. Так надо. Сейчас Лерика уже знает — именно так и надо. Чтобы не было пути для отступления. Да, обратный билет на самый последний рейс. Пожалуй, это лучшее, что она может сейчас сделать.

Она могла бы недоехать, но она доехала.

Могла бы скончаться еще в пути. Но, слава богу, жива и здорова.

Остается сущий пустяк: дойти до квартиры, зайти и... И вернуться. И желательно живой и здоровой. И хотелось бы, чтобы и другие тоже... Но это уж как получится.

«Смотри, не промах...» — снова услышала она.

«Да ладно тебе!» — ответила торопливо, набравшая шаговые обороты.

Что может ждать ее там? Кто-то? Или никто? Та женщина, которая поселилась там буквально две недели тому назад...

Лерика не спрашивает себя, как она могла там поселиться? Там лежат ее вещи, фотографии, ее письма, бумаги... Там она жила, пусть даже и не в частом своем материальном воплощении. Но это дело двоих — как им жить. Жили на расстоянии Марина Влади с Высоцким, живут геологи, путешественники, моряки... Раньше они тоже жили вместе. Сейчас просто — временное явление, сила обстоятельств. Да и то... Стоп!

Что знает о ней та женщина?

Скорее всего — ничего. Не может она, Лерика, представить, чтобы женщина могла поселиться в доме, зная о присутствии другой женщины.

«И смотри не наломай там дров сгоряча!» — снова услышала она в себе приставучий голос Каурина.

Он вообще не поверил. Никто не поверил.

«Ты проверь там все, — сказал он. — Может, авантюристка какая-нибудь, на него это не похоже. Ведь столько лет...» Стоп!

Лерика проверит. Еще как проверит! И ничего не наломает.

«И все-таки, Каурин, ты непоследователен, — чтобы отвлечься, повела она с ним мысленный диалог. — С одной стороны: «Не промахнись!» А с другой: «Не наломай!» И как это возможно?»

Но у нее получится. И не промахнуться, и не наломать. Все получится! И все будет по справедливости!

Незаметно стемнело, пространство оживлялось огнями.

Лерика спешит по узким тротуарам над уснувшим Брянкино. По знакомым улицам она спешит по Брянкино. Не замечая ветра, зашкаливающего мороза, обжигающего дыхание.

В небе звенит золотом серп луны, впаянными свечками поднимаются в гору окна домиков. Пышет трубами старое Брянкино.

Но и по сторонам ей глядеть нельзя.

Там, в направлении вползающих в гору домиков, есть один, где живет его мама. Ей тепло было в этом доме.

А вон там, вправо — в районе многоэтажек, обитает семейка его друга. Они уже успели стать и ее друзьями. Но и к ним ей нельзя. Почему —

это другой вопрос. Но и думать об этом нельзя тоже. Можно только бежать, отсчитывая на морозе звенящие метры.

«Но, однако, какой же холод, — повела она плечами, только сейчас как следует его прочувствовав. — Где-то, оказывается, еще существуют настоящие зимы».

Интересно, а как поведет себя он? Сделает вид, что не узнает? Что первый раз видит?

Лерика снова передернула плечами. Но уже от холода.

«И что это за Брянкино такое... Все замерзает в этом насмерть замороженном Брянкино».

Пальцы в перчатках просто окоченевают, что делается с ногами — и сказать невозможно.

На подходе к дому, унимая в онемевших пальцах дрожь, она видит... бросившиеся на нее вырезанными глазницами прямоугольники темных окон.

«Никого? Неужели и вправду — никого? Испугался? Сбежал?»

Она сказала ему по телефону, что приедет. А он не поверил. Или сделал вид, что не поверил?

Ну и... И бог с ним! Честно говоря, она уже даже не знает, хочет ли, чтобы там кто-нибудь был, не хочет... Ей настолько холодно, что уже все равно. Хочется только тепла, спасительного тепла.

Она звонит, но квартира отвечает безмолвием.

Корявыми от бесчувствия пальцами Лерика достает ключи. У нее же есть ключи от этой почти собственной, бывшей-будущей... Потому что, если сейчас она не попадет в тепло...

Но, оказывается, выжигать может не только жара. Холод, мороз выжигает тоже — так, что и ключи-то в руках не держатся. Да, спасти ее может только тепло, только спасительное тепло.

Ей нужно открыть дверь. Вернее — две двери. Ведь там, за ними... Ведь там еще и ванна есть! А в ней горячая вода.

«У нас вода горячая постоянно, — гордился, вдохновляя ее на переезд, Буравщиков. — Потому что своя котельная рядом. Вода горячая, напор отличный! Вот приедешь — можешь принимать ванну хоть целый день».

Лерика все еще возится с ключами. Дверь не поддается. Деревянные пальцы не слушаются ее. Но она все возится, продолжает возиться, а

надежда постепенно гаснет. Еще немного — и наступит пора бессилия.

«Неужели, неужели так и не удастся открыть эту чертову дверь? Эту чер... Поменял замок? Да что же он так боится-то ее, Господи?»

Одну дверь ей открыть все-таки удалось, а вот другую... Лерика нажимает на нее плечом — и вдруг... Когда надежда уже совсем угасла — просто падает, проваливается в пространство квартиры!

Оказывается, дверь уже давно открыта, ее надо было просто как следует надавить плечом.

Но еще раньше, еще до осознания открытой квартиры она ощущает — какое же это счастье — вдруг хлынувшее тепло!

Еще даже и не глядя по сторонам, видит: в комнате, да и во всей квартире, перемен нет. Нет и чужих вещей, по крайней мере на первый взгляд. Ей знакомо здесь все до мелочей. И потому она видит, даже и не глядя.

Но первым делом — руки под воду. «Вода горячая, напор отличный!» Скинуть промерзшие сапоги... Что-нибудь горячее внутрь — заварить кофе.

Ах, какое же это блаженство — настоящее тепло. Ничего-то, кажется, больше уже и не нужно...

Она чувствует, как, покалывая, постепенно начинают отходить ее замерзшие пальцы. Заваривает себе кофе и оглядывается уже внимательней.

Да, ни перемен, ни чужих вещей...

Делает первый счастливый горячий глоток.

И — только здесь, сейчас, именно сейчас, в этой окончательной точке пути — в голове, как пазлы, начало что-то складываться. Словно отдельно существующие разорванные картинки-звенья, цепляясь друг за друга, сами требовали сложиться в цепочку.

Сначала — ее звонок по телефону.

Она собралась ехать и еще решала, звонить или не звонить...

Позвонить, чтобы встретил, или уж приехать так, неожиданно, сюрпризом?

И все же решила позвонить, чтобы не оттягивалась их уже и так изрядно затянувшаяся встреча.

И ее еще ничего не подозревающий голос по телефону:

— Ты хочешь мне что-то сказать? — обычный, риторический вопрос, почти всегда начинающий их разговор.

— Хочу...

Долгое, колеблющее мембрану откашливание. Ну и?

И что же такое, интересно, хочет он ей сказать? Извиниться, что не поздравил с днем рождения? А может, тоже приготовил какой-нибудь сюрприз? Сделал, например, из ванны бассейн? Он же обещал. Или переделал лодку в яхту? Тоже обещал. Или сделал в квартире камин? Или, в конце концов, вывел своих тараканов?

— Так что? Я жду... — затаившееся в голосе почти праздничное ожидание.

— В общем... Как бы это сказать...

Да что же это ему никак не проговаривается-то!

— Ну в общем... Я это...

— Ты долго будешь мямлить? Телефонное время дорого.

— В общем... Я — женился...

Интересно — пуля Дантеса... Она всегда уничтожает наповал? Полостное ранение в живот — это для врачей. Для истории остается предательская пуля, опрокидывающая навзничь.

Впрочем, зачем пуля... Существует более лояльный метод, например поцелуй. Поцелуй Иуды. Или разговор по телефону...

Лерика все равно ничего не поняла. И долго еще не понимала.

Женился — это как? Раз женился — значит, должна быть жена? А кто же тогда она, Лерика? Пусть не жена, но кто?

Она существует уже долгие годы... А эта женщина появилась только что. И ей говорят, что она жена?

Как ни пыталась, она все равно ничего не могла понять.

...Всего лишь два месяца назад, да чуть больше, они объехали друзей и родственников, чтобы сообщить им... Ну да, эту сногшибательную новость. Что наконец-то после почти десяти лет отношений... Нет, не совсем так: после почти десяти лет буравшиковского домогательства они решили жить вместе. Опять не совсем так: после почти десяти лет буравшиковского ухаживания, ухлестывания, уговаривания, доказательства его любви, верности Лерика оказала ему честь, согласившись

стать его женой. И даже окончательно переехать к нему.

Вот так, пожалуй, будет верней.

А Каурин, знавший их еще с общего студенчества, сказал, благословляя: «Ну, слава богу, наконец-то! А то вам скоро собственных внуков крестить пора, а вы в одну кучу собрататься не можете!» — и Лерика стала ощущать себя девушкой на выданье.

И вот тут-то и...

«Или после стольких лет — никто?»

Сколько ни пыталась — она все равно так ничего и не смогла понять.

— Но... Объясни... Зачем? Ведь у тебя же есть я? Чем она лучше? — прорвалось через несколько дней, когда она заново научилась выговаривать слова.

— Ничем... — долгое тоскливое молчание. — Просто... Так получилось... Тебя не было рядом.

— Получилось? Это что? Может просто получиться?

Лерика прошла по комнате. Мысли плелись, путались, не умея остановиться, цеплялись друг за друга...

Но у нее же не так много времени. Ведь надо еще собрать вещи, свои фотографии, письма, бумаги.

К слову, о фотографиях... Интересно, куда он дел то их общее фото — смешной коллаж, где в окружении трех Лерик — двух веселых и одной грустной — сидит Буравщиков, как султан в гареме? Фотографию можно было даже назвать произведением искусства.

— Счастливый, — говорил ему Каурин. — У тебя тут целых три Лерки — выбирай какую хочешь!

Раньше она всегда лежала у него в комнате на рабочем столе, под стеклом.

«Чтобы всегда была перед глазами!» — шутил Буравщиков.

Лерика осмотрелась.

Стол на месте. Стекло на месте. Нет только фотографии.

Ну и ладно. И бог с ней, с фотографией. Не так же теряли...

Она никак не могла сосредоточиться, остановить себя в одной точке, бродя по двухкомнатной квартире как по лабиринту Минотав-

ра. А та ловила ее, арканила, душа запахами еще недавно родного мужика, который в одночасье умудрился стать чужим.

Вот этого-то она как раз не понимает и понять не может.

Как? В один час, миг, в одну минуту...

— Ты меня не замечаешь, потому что я уже давно часть тебя. Как собственная рука или нога, — говорил он ей. — Их не замечают, потому что без них просто не могут обходиться.

Говорил. А потом вдруг раз и...

В один миг эту часть ликвидировал. Ампутировал без наркоза.

И как теперь жить? С этой кровоточащей оставшейся?

И как это вообще понять, что человек, живой человек, должен перестать для тебя существовать? При этом он не умирает, он остается жить. Он — тот, который...

Перед поездкой они целую неделю вели бесконечные разговоры по телефону. И один раз трубку взял его друг.

— Ты должна им гордиться, — сказал, пытаясь ободрить ее, друг. — Он сессию сдает только на отлично!

— Гордиться? — переспросила Лерика. — А кто... он? Кто он мне теперь, чтобы им гордиться? Скажи! Я буду им гордиться, если ты объяснишь, кто он мне теперь?

Она честно пыталась это понять. Да, он остается... Тот, с кем стояли, обнявшись, на берегу реки под луной, давая друг другу слово... Который бегал за ней еще со студенческой... Впрочем, стоп. Снова — стоп!

Но верить, оказывается, нельзя никому! Даже самым близким и верным! Даже если эта связь проверена годами, даже если...

— Да кто он мне теперь?

И друг, всегда скорый на язык, не нашелся, что ответить.

Она не может им гордиться или не гордиться, потому что не знает, кто он? Кто он ей теперь? Он вырезал себя из ее жизни, из сердца, как вырезали когда-то с земли семьи евреев, переселяя на другие места... Ее сердце — земля?

Вот вроде и неглупая она, Лерика, а понять здесь чего-то не может.

Да, он остается... Но кем, в качестве кого? Или уже в качестве никого?

— Тебе сейчас лучше не приезжать. Я понимаю: тебя я все равно потерял. Так не разрушай хотя бы того, что у меня осталось, — про-рыдалось с той стороны через несколько дней.

— А почему я должна думать о тебе? Почему я теперь должна думать о тебе? Ты обо мне подумал? Вот возьму дедово ружье вместе с контейнером... Приеду и пристрелю!

— А, мне теперь все равно! Не жалко, раз уж так! Только ты, Лерка, хоть не позорься, контейнер с собой через полстраны не тащи!

— Ничего, уж как-нибудь! Сама разберусь! — и не выдержала, слово прорвалось: — Предатель!

*Сколько зеркал нас с тобой отражали,
Как в зеркалах отраженья дрожали...
Сколько теперь ни гляжу в отраженья —
Вижу в упрямом стекле раздраженье.*

Два придурка, как любили они замирать перед зеркалами.

— Еще один наш семейный портрет, — говорил Буравщиков, склоняя голову к ее плечу.

*Не то оно хочет, не то ему надо —
Глядящего в вечность упрямого взгляда,
Той нежности, что может править веками,
Рук, что, как птицы, парят над руками,
Губ, как приятно вернуться обратно,
Влажных, надкусанных, сладких и мятных.*

Ее взгляд и сейчас невольно сполз в сторону...
«Занавесил бы зеркало черной материей, что ли!»

А Каурин сказал, провожая:

— Будешь стрелять — не промахнись!

И не промахнулась бы! Да только...

Зачем он ей теперь? Пусть живут. Если только сумеют...

Нет, вот ведь интересно: как чувствуют себя эти, пстившие в тебя пулю, другие? Они что, могут быть счастливы?

Ладно, уж она как-нибудь... И с пулей Дантеса.

Конечно, не поволокла она ни ружье, ни контейнер. А вот в глаза... В глаза посмотреть бы хотелось! Да только удрал он вместе со своими глазами!

Или испугался, что вправду пристрелит? Вместе с «женой»?

«Нет, как, с такой скоростью и...»

Под руки попалась гитара.

*Закончилась романтика несвитого гнезда.
Моим постельным мальчиком не будешь никогда,
Не будешь мои волосы ночами ворошить,
И вздрагивать от голоса, и время тормошить...*

Но какая же знакомая дека у этой гитары. И звук какой знакомый. Где она только с ними не была! А где не была?

*Ты помнишь, как когда-то, дорогою кривой
Я ехала в Пенаты, к тебе — к себе домой!
Мне руку подавали, смеясь, проводники,
И всюду мне мигали зеленые зрачки.
И как на фотоснимке, проявленном едва, —
Шли губы и ботинки, и взгляды и слова...*

Нет, все же интересно, куда он дел их фотографию? Спрятал от своей дамы, или рука поднялась...

Отложив гитару, Лерика снова подошла ближе к столу. На том месте, где она лежала раньше, — открытка-календарь с пушкинским Болдино.

И там тоже они были вместе. Да где они только вместе не были! Календарик этот, кстати, тоже подарила ему Лерика.

Что ж, благодаря ей ему пришлось немало попутешествовать, таская сзади безразмерный рюкзак. А благодаря ему у нее появилось то, что появилось. Например, этот вечер в Брянкино.

Лерика снова глотнула остывающий кофе, втягивая в себя заодно и запахи почти родной квартиры, отзывавшейся раньше их общим веселым бардаком...

*Да, железная леди, железо куется, как песня,
Даже если ту песню те двое уже не спюют.
Он тебя променял с протяженностью лет
и созвездий
На линованный Рай, на дешевый карманный уют...*

Так, все, действительно пора уходить, иначе...

А что — иначе?

А иначе: «Вода горячая — напор отличный...»

Ничего, она уйдет, она и так почти уходит... Уже даже надевает пальто.

А он? А он пусть читает «Науку о любви».

Лерика спросила его по телефону, спросила с горькой усмешкой, как он собирается завоевывать даму — «налогового инспектора»... А он сказал, что читает «Науку о любви». Чтобы, значит, подковать себя теоретически.

Лерика подумала: шутит. Но в кухне на столе и в самом деле увидела книгу: «Наука о любви». Назон Публий Овидий.

Им-то не надо было изучать эту «Науку»... Может, потому что у них и была...

Он сказал ей по телефону:

— Может, она родит мне ребенка.

Что ж... Как говорится, плодитесь и размножайтесь! Хотя от тебя, бедолага Буравщиков, плодятся только тараканы. Ты и здесь развел их в таком количестве, что ночью в коридоре сначала надо включить свет, а потом уже ставить ногу, и желательно — в пластиковых тапочках.

Она уходит, потому что ей здесь больше нечего делать. Уж не пройтись больше «по тротуару, по сладкому логу или по пляжу на Тюсь». Она ходила здесь только в обнимку — так зачем усугублять горький воздух сиротства.

Он сказал ей по телефону: «Надо как-то устраивать свою жизнь».

Устраивай ее как-то, устраивай как следует. Ее в этой жизни не будет уж точно. На этом она ставит здесь жирную точку. Не переломает мебель (о, как хочется все переломать!), не пристрелит, не проклянет. Уйдет тихо, как полагается воспитанному человеку, по-английски. И даже не совершит «чисто английское» убийство...

Уже одевшись, Лерика почему-то снова решается подойти к столу. Словно тянет ее к нему какая-то необъяснимая сила...

Она подошла... Подцепила пальцами холодное органическое стекло — отложила его в сторону. Взяла в руку календарик с пушкинским Болдино — тоже отложила...

Под ним оказался еще один листок белой бумаги, побольше. Она подняла и его.

И — она увидела!

Спрятанный под календариком, под пушкинским Болдино, и еще прикрытый сверху листом бумаги, лежал...

Он, тот самый фотоколлаж: Буравщиков в окружении трех Лерок. Одна — грустная, с какой-то вымученной улыбкой на лице... Зато две другие — веселые, озорные, глядящие на него с манящей, многообещающей улыбкой.

Она берет в руки старую фотографию, вдруг вынырнувшую из их прошлого, из их такого далекого близкого прошлого. Минуту всматривается в лица...

И вдруг ее собственное лицо искажается. Не в силах больше терпеть, она готова если не взорвать мир, то порвать в клочья эту дурацкую фотографию, в ее руках кричащую от боли! Чтобы вместе с ней, с этой до глупости родное фото разлетелось в клочья, и все их прошлое, все их такое общее прошлое, со всеми такими ненужными сейчас воспоминаниями! Чтобы не было их вовсе!

И неподвластной себе рукой она уже почти скомкала, держа ее в руке как горячий, обжигающий пепел, осталось только рвануть пополам. И она уже почти сделала это, как вдруг...

Лицо Буравщикова в ее ладони ожило... Искazилось в какой-то жалкой, беспомощной, просительной гримасе. Он взглянул на нее, взглянул так, словно прося, умоляя, заклиная просто: «Лерка, не делай этого! Удержись! Прошу тебя! Ведь у меня и роднее-то тебя на белом свете никого нет! Может, и я тебе еще когда и пригожусь... Не делай этого, Лерка!»

И рука ее дрогнула... Даже сейчас, после всего произошедшего, она не могла сделать плохо этому придурку Буравщикову, так глупо разобравшемуся с их жизнью, с их единой общей жизнью. Запросто пустившему ее под откос, всю их такую смешную, светлую, детскую...

И она торопливо положила фотографию на место, прикрыла сверху листком бумаги, потом календариком с пушкинским Болдино, потом прозрачным оргстеклом... И бегом, словно чего-то боясь, рванула отсюда, скорей и навсегда, забыв и про свои вещи, и фотографии, и бумаги, и про все на свете. Лишь бы только и в самом деле здесь ничего не сокрушить, не сломать, не проклясть, не скомкать...

Бегом отсюда, бегом!

*Да, потерянный Рай на земле он еще существует,
Только возвращать сад*

нужно бережно множество лет.

*И когда на земле кто-то грешные губы целует —
Это вовсе не значит, что в Рай уже выдан билет.*

Только жаль облаков,

что посмели на землю спуститься,

И расплавить металл,

что не плавится даже в огне...

И наступит весна... И увидит он белую птицу

Сквозь железные прутья решетки

на пыльном окне.

«Эх, Каурин... — обламывая капельные со-
сульки, растущие на щеках, мысленно посок-
рушалась она, уже видя перед собой спаси-
тельные огни автобуса. — Видишь, ничего-то у
меня и не получилось... И пристрелить не
пристрелила, и... Зря только винтовку за собой
таскала!»

И ощутила вдруг, как, выпрямляя ее плечи,
легчает за спиной тяжесть, обретая какую-то
другую, новую материальную сущность.

Часть 2 ЗДРАВСТВУЙ

Проезжая на следующий день мимо ста-
ринного города Вятка, Лерика почув-
ствовала, как из нее лезут, прут просто, проби-
вая себе путь, какие-то совсем новые строчки.
Ручки под рукой не оказалась, и она приня-
лась выцарапывать новорожденных прямо
ногтем на заиндевавшем от мороза вагонном
стекле:

Извините, сердце занято, не скрою,

Но и к телу я претензий не приму...

Я верна литературному герою

И сама не понимаю почему.

Он придуман мной. Такого нет на свете.

Он лишь вымысел, лирические сны.

Но в него играют юноши и дети

И влюбляются все девушки страны.

Он разводит рыб и ходит на байдарках,

Он, других спасая, видел смерть в лицо...

А совсем недавно он прислал в подарок

Мне на праву руку тонкое кольцо.

Я, конечно, не женю его, ну что вы!

Я не стану ему даже отвечать...

Ведь в кого-то же должны влюбляться вдовы,

И девчонки свои письма сочинять!

А мимо, улыбаясь ей вершинами колоколен и
солнцами куполов, проплывала в своей нена-
вязчивой мудрости красивая, ладная Вятка.

О. Ш.

Человек в белой кроличьей шапке, ...
Оглядываясь, ходит по вокзалу.

Увидев его, Валерия старательно растягивает губы:

— Здравствуйте, Аврор... Боримирович!

Человек оборачивается, улыбается в ответ, торопливо чмокает в щеку и, подхватив ее под руку, выводит на улицу.

— А я уже тебя обыскался, весь вокзал обежал.

— Но прошло еще только десять минут. Вы сказали: через полчаса.

— А я решил побыстрей, — взглядывает он на нее сбоку. — А почему вдруг «вы»?

Валерия пожимает плечами.

Она совсем не знает этого человека. Она не знает, как с ним себя вести. Она вообще сейчас ничего не знает. И поэтому решает...

«Буду вести себя как хочу. Не как полагается, не как принято, не как того захочет он, а так, как захочу сама». Здесь ей терять нечего.

И потому она говорит ему «вы».

— У меня тут на площади машинка, — суетится он. — Сейчас быстренько домчимся.

Что-то неприятное чудится ей в этом: «машинка». «Что за машинка? Печатная, швейная, стиральная?»

— Собственный «Мерседес»?

— Да нет, такси поймал.

— А пешком далеко? Хотелось бы после дороги прогуляться...

На самом же деле ей хочется... Ну да, хочется как можно дальше оттянуть эту минуту... Которая должна оставить их наедине... С этим человеком в заячьей шапке, с этим Аврор Бори... как его... Да и шапок-то таких сейчас никто не носит! Тем более — таких имен.

Все в нем кажется ей сейчас неприятным, чужим, незнакомым. Да, впрочем, ведь так оно и есть.

— Ну что ты, пешком далеко. Завтра нагуляешься. Поведу тебя по экскурсиям. Покажу город. Да и холодно сейчас. Как там, кстати, в Екатеринбурге?

— Встретил холодновато. Проморозил насквозь.

— А у нас по случаю твоего приезда завтра обещано потепление, — шутит Аврор Боримиро-

вич. — Так что завтра и пойдем гулять. А сейчас давай забирайся на переднее сиденье.

Валерию немного удивляет, что он отправляет ее на переднее сиденье. Сколько она ездила с мужчинами — на первое место обычно усаживаются они сами. Наверное, чтобы встретить лицом опасность.

А он усаживается сзади и говорит водителю:

— Сделаем крюк. Человек у нас первый раз. Покажем город.

Город на Валерию впечатления не производит. Какие-то улицы, перетянутые изоляционными трубами, современные дома-новостройки...

Едут минут пятнадцать-двадцать.

Но вот Аврор Боримирович отпускает машину, и они остаются вдвоем. Одни вдвоем на снежной улице, едва освещаемой фонарями.

Валерия оглядывается. Впереди — длинное здание гастронома. Они сворачивают с шоссе, проходят в глубь квартала...

— Здесь можно пройти по освещенной улице, а можно срезать по тропочке.

И они идут по тропочке. Валерия — впереди, он в метре сзади.

Мужчина останавливается у последнего подъезда пятиэтажки. Поднимается вверх по ступеням. Пропускает Валерию вперед.

Она видит перед собой синюю дверь подъезда. Открывает ее и начинает подниматься на первый этаж.

— Погоди! — окликает он и указывает на лестницу вниз.

— Но там же подвал... — с недоумением смотрит Валерия. — Ты что, живешь в подвале?

Он кивает.

Валерию начинает потихоньку доставать... Вся эта неправдоподобная ситуация: ночь, незнакомый город, чужой человек... Вдобавок он почему-то живет в подвале. Может, он вообще бомж? Насочинял ей с три короба...

— Не пугайся, — говорит Аврор Боримирович, заметив ее настороженный взгляд, — здесь нормальные квартиры. Это как раз и есть первый этаж. Просто дом с высоким цоколем.

«Первый так первый, — кивает она головой. — С высоким так с высоким. Ей все равно. Ей совершенно все едино».

«А может, сбежать? — мелькает вдруг провоцирующая мысль — даже показалось, что она и

не покидала ее вовсе с момента вступления на эту землю. — Пока еще не поздно? Пока не спустились в этот подвал, к этому непонятному Аврору Боримировичу...»

Но куда сбежать? Туда, откуда только что вернулась, давась невозможностью остаться там навсегда? Или...

— Ну, проходи!

Валерия заходит в квартиру. Перед ней — длинный узкий коридор.

Она оглядывается: где снять пальто?

— Подожди, — останавливает ее мужчина. — Разденешься в моей комнате.

Валерия смотрит не понимая... А он уже идет вперед, дальше по узкому коридору.

— Это комната соседки, — кивает на дверь с левой стороны. — Ну, проходи! — и наконец распахивает перед ней дверь по центру коридора.

«Слава богу, не бомж», — отмечает про себя Валерия. Еще не войдя, обращает внимание, что и эта дверь почему-то тоже выкрашена синей краской. А сразу за дверью — такой же раздражающий едкой синевой странный пол. От избытка резкой синевы рябит в глазах. Кажется, еще немного — и у нее начнется морская болезнь.

— Это мой друг художник так покрасил, — объясняет Аврор Боримирович. — Осталась у него синяя краска — вот он ее сюда и пристроил.

Первое, во что упирается ее взгляд: стоящая на синем полу огромных размеров кровать, занимающая чуть ли не треть комнаты.

«Да это же... Теплоход просто, однопалубный, — отмечает она невольно. — Плывущий на синем...»

— Я эту кровать сам сделал, — гордо говорит Аврор Боримирович. — Правда, сначала купил матрац, а потом уже под него подгонял и все остальное.

«Вот тебе и кровать», — усмехается она про себя, а сердце отзывается ядовитой горечью. Сколько раз она ему говорила: «Сделай нормальную кровать». И он кивал и не делал, сохраняя целостность узкого, готового к абсолютному диалогу топчана. Зато теперь вот — кровать.

*И выдержала ножка у стола,
Когда ты за него сажал другую?
А старая кровать твоя цела?
Не провалилась в бездну мировую?*

— Ну как тебе?

— Что?

— Как тебе у меня?

— Нормально, — пожимает она плечами.

Ей неловко — внутри живет какая-то заторможенность, пустота. Бесчувственность. Наверное, она должна восхититься кроватью, которую сделал Аврор Боримирович. Но она не может восхититься и только почему-то с неприятным смотрит на нее.

А человек по имени Аврор Боримирович уже освободился от своей куртки. Ухаживая, снял с нее шубу. И даже успел запечатлеть на ее губах первый домашний поцелуй. Она передернулась непроизвольно.

Теперь он хлопотал, устраивая вечер с чаепитием. Суетился, словно не зная, куда ее посадить, как развлечь и вообще — что теперь с ней делать?

А Валерия смотрела на него со стороны и пыталась понять, что же привлекло ее в нем тогда?

Она видела перед собой уже немолодого человека с начинающей оплывать фигурой, маловыразительно узким разрезом глаз, лицом с провисающими подглазиями. Он резал специальной сырорезкой сыр, шоколадный торт, включал видик, предлагая ей выбрать какую-нибудь кассету. Этого добра у него оказалось предостаточно, а вот...

*А полка книг, куда моя рука,
Чтоб уличить тебя, тянулась смело,
Не рухнула, взывая, с потолка,
Чтоб объяснить тебе, что ты наделал?*

— Знаешь, для меня удивительно... — взгляд ее невольно скользнул по пустым стенам. — Я первый раз нахожусь в комнате, где совсем нет книг.

— Да? — словно прочитал он в ее глазах осуждение, царапнув взглядом по стенам.

— Ты не думай, что я такой уж неграмотный, совсем не читаю. Просто у меня на работе лежат неразобранные коробки, в том числе и с книгами. Я ведь в этой комнате всего месяц.

— А ты зря воспринял мои слова как осуждение, — чуть качнула головой Валерия. — Я просто констатирую факт. Для меня это удивительно. Но если ты думаешь, что к хороше-

му сантехнику я отношусь хуже, чем к начитанному экскурсоводу, — ошибаешься.

— Но ты, наверное, считаешь, что тебе с человеком без образования не о чем и поговорить? — продолжая резать сыр, поглядывает он на нее.

— Почему ты так думаешь?

*А что сказала старенькая мать,
На том же месте потчуй другую?
И сладко ли женою называть,
Вдруг превратив «любимую» в чужую?*

— Честно говоря, я вообще не знаю, что в жизни главное. Общаешься с человеком, а у него и одно, и два образования, и с ним действительно интересно. А потом доходит до какого-нибудь дела, и, оказывается, он ничего не может — только говорить... А поступки совершать не умеет.

Человек, отложив сырорезку, смотрит на нее.

— А бывает наоборот. Характер — кремь, слово с делом не расходится, а говорить... Говорить с ним не о чем. Поэтому... — Валерия пожимает плечами. — Где золотая середина?

— Да... — Аврор Боримирович продолжает посверливать ее взглядом. — А ты, похоже, поступки совершать умеешь.

Он пододвигает к ней стул:

— Ну давай садись. Расскажи хоть что-нибудь о себе. Ведь я ничего о тебе не знаю. Кроме имени. Да и оно, может, ненастоящее.

Валерия улавливает интонацию...

— Может, тебе паспорт показать? — наверное, это звучит как вызов, но каков вопрос...

— А в руках подержать дашь? — ее вызов оказался принят.

— Пока — нет. Только издали. Вдруг увидишь что-нибудь не то.

Станный, однако, пошел у них разговор. Но ведь она решила, что будет вести себя с ним как захочет. Вот, значит, так и хочет.

— А ты вообще не боишься, что я рецидивистка какая-нибудь? Вдруг захочу обокрасть твою квартиру?

— Этот вариант я отметаю, — покачивает головой Аврор Боримирович. — Во-первых, красть особенно нечего. Телевизор ты не унесешь, ну разве что кассетник. И потом — вычислить не проблема. Я знаю твое место, вагон, число... Так что, дорогая попутчица из

тринадцатого вагона, тебя занесло сюда не за этим...

А потом был долгий вечер и такая же долгая ночь. Ночь, в которой они оба честно хотели поддержать сказку, родившуюся на верхних полках тринадцатого вагона.

Сказка, казалось, была где-то рядом, совсем близко... Но она никак не могла прозвучать. Может, мешала ее поездка в Екатеринбург, может, затянувшийся период многолетней верности. Только почему-то вспоминался герой любимой киноклассики, лезущий под душ в пальто и шапке: «За пять минут старое разрушить можно. А вот новое... Новое — не создашь...»

Новое не создавалось.

Она и сама не понимала, что с ней происходит, только все свои усилия тратила на одно: не дать пролиться слезам. Больше всего на свете ей хотелось сейчас схватить телефонную трубку, пока еще ничего не случилось, не произошло, найти, где бы ни был, в какой бы точке земного шара ни находился, крикнуть на весь мир:

— Ты этого хочешь? Может, пройдет время, и ты захочешь вернуть меня ту, прежнюю! Но прежней уже нет. Ведь я-то себя вернуть уже не смогу!

*Жены покорной верный силуэт
Останется серьезно и надолго,
Сгорел костер, любимой больше нет.
Есть книжный шкаф и стол, и стул, и полка...*

— Что с тобой? Ты плачешь? Тебе что — плохо со мной?

— Нет, все нормально. Сейчас все будет нормально.

На самом деле ей совсем не хочется обижать этого человека, этого Аврора Боримировича с верхней полки тринадцатого вагона. Он действительно покорила ее тогда своим рассказом о мужественном человеке, еще в молодости потерявшем ногу, но не сдавшемся, берущем пороги... И не только крутых рек — пороги жизни.

Она сама откликнулась тогда на его протянутую руку, сама приехала к нему, пусть и по его просьбе. И вот теперь... Теперь она не в силах ответить ему ничем.

— Подожди, сейчас все пройдет, все будет нормально.

Слезы ползли из глаз, срывались и падали на подушку.

*Но что на них обиду мне держать?
Они, кружась, прожили вместе с нами...
Но как глазам другие отражать,
Когда горит в них несгоревший пламень?*

— Что случилось? Что не так? Ты что — такая чувствительная?

Ну вот, сейчас он еще решит, что она теряет сознание от счастья его близости.

— Я не чувствительная... Вернее — я чувствительная, но в меру. Ты не пугайся. Сейчас все пройдет. Просто так получилось...

«В конце концов, возьми себя в руки!» — уже почти приказывает она себе.

— Понимаешь... Много лет я была с одним человеком. И уже думала, что это навсегда. И вот сейчас... Впервые... Ты извини.

Человек рядом подпирал рукой голову и внимательно смотрит на нее.

— Ну... Тогда давай рассказывай.

И неожиданно Валерия рассказывает ему все. Все, что можно рассказать за остаток уже почти промелькнувшей ночи.

Утро застает их рядом. Ее голова на его плече. Он тихонько гладит ее волосы:

— Я знаю, предательство пережить трудно. Очень трудно. Особенно страшно, когда это происходит с человеком, в котором ты уверен, в котором уже и не сомневался... Когда со мной случилось, я ходил как зомби. Ничего не мог делать. Сидел у себя на работе в кресле и смотрел в одну точку. И три дня пил. И такой же, а вернее никакой — уехал в Москву. А когда оттуда уезжал — был злой как черт! Смотрю на людей: всех кто-то провожает, все кому-то нужны. Даже бабок этих старых, попутчиц наших — и то провожают! А тут еще ты пришла, с места меня шуганула...

— Но это было мое место, — успевает вставить Валерия.

— Это не важно, важно то, что произошло потом. Это было чудо! Когда я вернулся обратно — я совсем другой! Живой! Хожу, пою! Летаю! Все спрашивают: «Что с тобой? Откуда такие перемены?» — «Да так, — говорю. — Хорошо съездил. Вагон был хороший, тринадцатый!»

— И у тебя будет все хорошо! Поняла? — и он снова гладит ее волосы. — Обязательно будет! Верь мне, Валеринка!

Утром он поднимает ее в десять часов утра.

— Значит, так. Что больше интересует? Старина? Современные постройки? Театры? Выставки? Музеи? Природные объекты?

Несколько опешив, Валерия робко спрашивает:

— А... позвонить можно? По твоему сотовому?

— Надо позвонить? По междугородке? — пристально смотрит он. — Ясно, значит, сначала — на телеграф.

На телеграфе он покупает и протягивает ей таксофонную карту. И тактично отходит в сторону.

Валерия упорно набирает все тот же номер... Ей кажется, что еще можно что-то удержать, спасти, после этой почти целомудренной ночи. И, если бы оттуда ей сказали всего одну фразу: «Брось все, приезжай!» — наверное, это было единственное, что она и хотела сейчас услышать.

Но из трубки доносятся все те же упорно безразличные гудки.

— Ну что, нет твоего Рябушкина? — чуть взглядывает на нее Аврор Боримирович. И в глазах его Валерия видит промельк проскочившей тревоги.

Она недоуменно пожимает плечами: «Почему, мол, ты думаешь, что я звонила именно туда?»

Но вот они садятся на автобус, а когда выйдут, Аврор ведет ее... Ну куда должен вести Аврор?

Конечно же, на набережную. Туда, где над горизонтом еще стоит солнце. Вместе они карабкаются к памятнику Грину. Валерия не хочет подыматься к самому постаменту, думая, что ему, наверное, тяжело. Но он удивляет ее: при своей небольшой хромоте так ловко лазает и держится на ногах там, где она скользит и падает.

Он показывает ей берег Вятки — и она с удивлением узнает, что, оказывается, здесь совсем рядом знаменитая Дымковская слобода.

— Я подарю тебе дымковскую игрушку, — говорит он. — Увезешь с собой как сувенир.

Потом они проходят через романтический «Мост смертников», где он повествует ей историю борьбы вятичей с коми-пермяками.

— И кто победил?

— Пермяки, — говорит он и добавляет торопливо: — Но это было тогда!

А потом он приводит ее в свою «фирму».

Они спускаются в полуподвал — вот теперь уж точно в полуподвал, открывают тяжелую дверь...

Так вот она какая — его аквариумная фирма!

В больших стеклянных аквариумах здесь плавают живые рыбки. Настоящие живые рыбки. Здесь влажно и жарко, как в тропиках. Рабочий Олег ходит полураздетый, демонстрируя торс Геркулеса. А хозяин фирмы, скинув с головы белую пушистость, проводит ей экскурсию. По рыбкам, конечно. Здесь всякие: меченосцы, гуппи, скалярии, даже золотые рыбки, приносящие на хвосте счастье...

Валерии здесь нравится. Даже очень нравится — кругом дышит живая природа. Вместе с рабочим Олегом они пьют чай в этом экзотическом мини-Крыму. Звучит радио «Шансон». Прислушиваются и рыбки, замирая среди водорослей в подсвеченных аквариумах.

А потом, отдав ценные распоряжения Олегу, начальник фирмы покидает ее, чтобы вести экскурсию дальше. И они направляют стопы в Варваринский монастырь...

Но вот уже и вечер, и, чтобы уравновесить впечатления, Аврор ведет ее в мастерскую к своему другу — художнику Валентину, тому самому, который и покрасил все, что мог, синей краской.

На диване в мастерской лежит папа, тоже художник. Валерии показывают работы: папины и Валентина. Папа занимается акварелью: пишет природу, портреты. А Валентин — единственный в городе художник, работающий в технике напыления по стеклу.

Поддатый папа пристает к Валерии с комплиментами, называет ее «супругой», пытается поцеловать ручку. Ей неловко и смешно от этого «супруга», но почему-то приятно.

Потихоньку они все больше сдвигаются к выходу и наконец со смехом ретируются, едва успев прокричать Валентину: «Спасибо!»

Но надо ехать на вокзал, определяться с билетами на обратную дорогу.

По дороге Аврор спрашивает:

— Может, ты все-таки расскажешь мне хоть

что-то про себя? По крайней мере, куда брать билеты?

— Ну, значит — пора...

И слово за слово Валерия рассказывает ему... Не все, конечно, интрига должна сохраняться... Но хотя бы — куда брать билеты.

На вокзале Аврор долго и вызывающе торчит спиной, спрятавшись головой в окошке справки, пока длинная, закрутившаяся в хвост очередь не начинает возмущаться.

Валерии тоже надоедает его ждать, она даже успевает купить себе чашку кофе. Вернее, пластиковый стаканчик кофе.

— И что ты так долго там узнавал? Что можно столько времени делать в этом окошке? — позволяет она себе нетактичность выразить недоумение, когда его фигура наконец выныривает из окошка справки. — Еще бы немного — и очередь тебя просто растерзала.

— Между прочим, я свое пребывание там честно оплатил. А их справки я знаю — на рубль не потянут. Зато узнал, как тебе добраться, не заезжая в столицы — в Москву и Питер.

— Ну и как?

— Просто... — значительно кивает Аврор. — Придется только немного посидеть в Волховстрое — ночь. Правда, целую.

— Ночь в Волховстрое? — смотрит на него Валерия. — Знаешь, я уж лучше день в Москве или в Питере. Чем ночь в Волховстрое. Скажи лучше, что ты честно оплатил свое общение с девушкой в окошечке. В это я больше поверю.

А потом там же, на вокзале, Валерия звонит домой. Разговаривает со своими, а он стоит, пьет кофе и смотрит на нее.

Валерия показывает взглядом: ничего, мол, секретного нет, если хочешь — можешь послушать.

Но он качает головой, пьет кофе и смотрит с какой-то грустью, как весело она болтает со своими...

А Валерия разговаривает и смеется — она понимает, что эти голоса нужны ей, очень нужны, как, наверное, и ее — им. Но, продолжая разговаривать, она все равно смотрит на него.

А за ужином, в разговоре, он вдруг спрашивает ее...

Об их отношениях с Рябушкиным, о так называемом их «интиме».

Она несколько удивлена — все же это не тема для обсуждения. Но, разговаривая откровенно, они же пытаются помочь друг другу. Разобраться в своих ситуациях.

И, еще пытаясь осознать — ведь не задавалась же подобным, она начинает рассуждать вслух:

— Понимаешь, когда между двумя что-то большее, чем просто физическая близость... То и это тоже становится величиной разрастающейся. Действие может начаться... Даже раньше самого процесса.

Аврор смотрит не понимая.

— Ну, к примеру: мы вдвоем. Между нами — гитара, два бокала. Горит свеча. Мы поем и смотрим друг на друга. Слушаем друг друга... И действовать начинает все: взгляд, голос, обстановка, даже слова песни. Я не знаю, как это объяснить, но все, что происходит потом, — лишь следствие. Начинает действовать магия, атмосфера...

— Не понимаю, — качает он головой. — Хотя убей, не понимаю! Я человек простой, земной и, видимо, понять этого не смогу никогда. А все эти тонкости — для вас, натур поэтических.

— А ты что — совсем уж натура не поэтическая? Плаваешь на байдарках, любишь природу — и не поэтическая? Не поверю!

И они сидят дальше, пьют вятское пиво и снова говорят. Про поэтов и непоэтов. Про тех, кто пишет стихи и плавает на байдарках. Про людей, запутавшихся в этой жизни. А Аврор говорит вдруг:

— А знаешь, Валеринка, благодаря тебе я тоже сочинил строчку. Правда, всего одну. Она, конечно, корявая, ты не смейся, зато сочинил я ее честно, сам. Хочешь прочту?

— Ну, давай... — несколько удивляется Валерия — ведь он только что убеждал ее в непоэтичности своей натуры.

— Только предупреждаю — не смейся!

— Да давай уж...

— Эта строчка посвящена тебе. Слушай! — он откашлялся и выдал: — «Я тебя никогда не забуду, если ты будешь помнить меня!»

Над столом зависла пауза. Громкое, но непродолжительное молчание.

— Ну как тебе?

— Ну...

— Что, совсем плохо? — смотрит он с расстройством.

— Да нет, осмысливаю просто. Значит, если я буду помнить — и ты не забудешь? А если не буду... — Валерия пару секунд думает. — Ну ладно, так и быть... Буду помнить!

— Значит, ничего?

— Потенциал есть... Может, еще такое выдашь... Пушкин позавидует.

Уже утром, стоя в комнате перед зеркалом, Валерия причесывает волосы и видит, как он влетает в дверь с чашками. Останавливается, глядя на нее, и вдруг спрашивает:

— Валери, ты, когда уезжать будешь, адрес-то хоть свой мне оставишь?

— Адрес? — продолжает она смотреть в зеркало, целиком уйдя в это магическое занятие: — Зачем?

Она отвечает так по инерции, чтобы не отвлекаться, хотя на эту тему у нее ответ есть. Зачем оставлять адреса, по которым не пишут, телефоны, по которым не звонят... Их честно просят. Вписывают в свои записные книжки. Но проходит время — жизнь вносит свои коррективы, все забывается. А в сердце остается горечь от так и не пришедшего письма. Так уж лучше думать, что не пишут и не звонят потому, что ты не оставил адрес. Она знает, как действуют вблизи глаза, — им хочется пообещать весь мир. Но глаза исчезают за видимостью горизонта, а ненаписанные письма все продолжают идти...

И потому, еще не отойдя от зазеркальной темы, она говорит «Зачем?», словно заранее снимая с него ответственность за эти не пришедшие в будущем письма, за несостоявшиеся звонки.

А он вдруг ставит чашки на стол и поспешно выходит из комнаты. Почувствовав что-то неладное, Валерия идет следом. Она видит, как, заскочив в ванную комнату и пустив струю, он торопливо промывает глаза водой.

— Что с тобой, Аврор? Что-то случилось? — заглядывает она.

Но он, тряхнув головой, уже улыбается ей:

— Ничего, пустяки. Все нормально. Уже нормально. Идем завтракать. У нас на сегодня большая культурная программа.

А потом они начинают ее осуществлять.

Они ее осуществляют, осуществляют...

В русле намеченной программы оказываются на театральной площади. И вдруг обнаруживают, что вечером идет спектакль, о котором он уже что-то слышал: «Выходили бабки замуж».

И тут же, не отходя от кассы, решают на него отправиться. На спектакль про бабок, со столь интригующим названием.

Аврор уже разворачивается в сторону кассы, как Валерия останавливает его:

— Подожди! Есть способ деньги не тратить.

Она подходит к окошку администратора и что-то говорит, показывая свое удостоверение. «Зря, что ли, в театре работала?»

И получает два пригласительных на вечерний спектакль.

— Держи! — с гордостью вручает она ему. — О билетах можешь не беспокоиться!

— Однако... — смотрит он с приятным удивлением. — Женщины еще никогда не водили меня в театр!

Но до театра у него еще куча дел, и везде надо успеть. Схватив такси, они мчатся в мастерскую, где ему вырезают стекло для аквариума. Стекло вырезают, вырезают...

Валерии надоедает толкаться в помещении, ей хочется на воздух — должна же она изучить как следует этот город Вятку...

— Только под моим присмотром, — говорит Аврор и берет ее под руку. — Шаг вправо, шаг влево приравнен к побегу.

Они выходят вместе, и он ведет ее в ближайшую кофейню. Стоя, они пьют кофе за узеньким столиком, с видом на старинные особнячки, и Валерия с удивлением отмечает, что ей уже гораздо больше нравится город Вятка.

Потом уже с вырезанным стеклом они снова мчатся: нужно обеспечить работой Олега — поступил срочный заказ на большой аквариум. Сегодня им уже некогда распивать здесь чай: надо успеть заскочить домой: Аврор еще хочет переодеться перед театром.

До театра около двух часов, а на улице такое мягкое снежное круженье... И Валерия вносит предложение не ездить домой. Ей кажется, что он выглядит для театра вполне ничего — лучше просто побродить по городу.

Но он так не думает. Ему кажется, что он потный, что плохо одет.

— Лично я с тобой рядом комплексовать не буду. Смотри, какая отличная погода. А мы целый день мотаемся. Давай погуляем!

— Но у меня грязная голова, — упорствует он. — Я буду себя чувствовать дискомфортно. Меня в городе многие знают. И я первый раз иду с тобой в театр.

— Ну, хорошо! Раз ты здесь такая знаменитость... — смиряется Валерия, уже попавшая под очарование города. Конечно, только города...

И они снова мчатся.

Пока, закрывшись в ванной, Аврор приводит себя в порядок, Валерия успевает сообразить легкий перекус. Она сидит, уже расправляясь с копченым крылышком, а он, выйдя из ванной, все возится возле шкафа.

— Ты скоро? — спрашивает она, упираясь взглядом в его спину.

— Уже... Почти готов.

И — оборачивается.

И — куриное крылышко висит в ее руке.

Она вдруг видит перед собой... какого-то совсем другого человека.

Элегантного, стройного, подтянутого... И откуда только он взялся? На нем темная велюровая рубашка, светлый пиджак и в тон ему — брюки.

«Неужели одежда так способна изменить человека?»

Аккуратные волосы уложены на пробор. Лицо без морщин, красивое, молодое лицо — обращено к ней.

— Ну как, сойдет?

— Однако...

Ей отчего-то становится страшно. Даже смотреть на него страшно.

— Пожалуй, я с тобой рядом... — с трудом выговаривает она, — буду ощущать себя Золушкой. Причем до посещения ее феей.

Странно. Неужели дело только в этом изменившем его облике?

Но времени на раздумье не остается.

Выскочив из дома, они снова хватают такси, где Валерия по праву гостя опять садится на переднее сиденье. Летят навстречу огни машин, летят огни города, и она неожиданно ловит

себя на мысли, что ей еще больше нравится город Вятка!

А в салоне включено радио, и мужской голос, заполняя своим красивым баритоном пространство, шептывает ей в самое в ухо:

*...Я возьму тебя с собой, покружу,
Я одной тебе весь мир покажу!
Провезу тебя везде, прокачу!
А потом назад домой отпущу.*

Валерия вдруг чувствует — из-за спины к ней протягивается рука. Пальцы касаются ее щеки, касаются так бережно и нежно...

— Валеринка... Это ведь про тебя и про меня. Ведь это я тебе все покажу, везде прокачу... А потом назад домой отпущу.

И, помолчав, вдруг добавляет:

— А хочешь — не отпущу?

Валерия не отвечает. Но почему-то ей становится так хорошо, спокойно и уютно. Она не спрашивает себя, та ли это рука, не та ли... Только почему-то хочется, чтобы эта дорога как можно дольше не кончалась.

Но вот и театр, и женщина-администратор, приветливо улыбаясь, дарит им программки и передает их на попечение дежурной. Та проводит в зал и сажает на лучшие места в центре партера.

Валерии приятно — их принимают как почетных гостей. И еще ей приятно, что и ему тоже приятно, что им оказывают здесь такое уважение.

Спектакль начинается. Сидя в кресле, она ощущает рядом руку. Они сидят, соприкасаясь локтями.

«Выходили бабки замуж». Действие, сначала вяловатое, начинает постепенно раскручиваться.

Пять бабок живут в доме престарелых и тоскуют по своим домам. К ним на одну ночь подселяют деда Абдулу. И каждая из них умудряется уговорить его взять ее замуж. В конце концов он машет рукой — его мусульманские законы позволяют, и он соглашается взять их всех.

В пьесе много юмора, философии, характеры бабок такие разные...

И Валерия с удовольствием отмечает, что пьеса ей нравится. И ей это радостно. С каждым часом ей все больше нравится город Вятка. Ей нравится, что в этом городе такой хороший театр. Ей нравится и сама пьеса, и игра актеров, и режиссура. И сам театр. И еще ей нравится... Сидеть рядом вот с этим красивым, надежным мужиком. Сидеть вот так: сначала рука к руке, потом — плечо к плечу, потом голова на плече...

— Ты прикладывайся, если тебе так удобно, — говорит он. И она чувствует, что ему и самому этого хочется.

— Неловко, — говорит она. — Мы же в театре.

Но голова ее незаметно склоняется к его плечу все больше и больше.

И они смотрят пьесу дальше, одинаково реагируя и смеясь.

А потом в перерыве идут в буфет, пьют кофе и едят бутерброды с красной икрой — имеют право: сэкономили на билетах. И Валерия действительно видит, что у него тут много знакомых — не зря он надевал свой элегантный костюм.

В конце второго действия выясняется, что председатель обдурил Абдулу. Он продал его дом, и теперь ему некуда вести свой гарем.

А Валерии хочется, чтобы Абдула как можно дольше выяснял отношения со своими женщинами, потому что...

Потому что... Так уютно лежать головой на этом широком плече, ощущать рядом эту надежную руку, и у нее возникает ощущение... будто все это происходит с ней первый раз в жизни.

После спектакля один из его знакомых фотографирует их на фоне еще не убранных декораций. А в них самих что-то происходит, продолжает происходить: какое-то рвущееся изнутри звучание. И, не зная, куда его пристроить, они просят у администратора книгу отзывов и предложений и...

И записывают туда свои самые сногшибательные отзывы!

А на улице все еще продолжается снежное кружение. Они идут по укатанному белым вечернему городу смеясь и, словно в детстве, ловя ладонями снежинки. Впервые держась за руки,

будто им если уж не по семнадцать — то по во семнадцать с половиной точно!

Теперь уже он рассказывает о себе. Про своих родителей: отца, которого уже нет, маму...

— А хочешь, зайдем к ней? — предлагает он неожиданно. — Я вас познакомлю. Она живет в этом районе.

Но Валерия качает головой. Нет, она не хочет. Мамы — это серьезно. Одна мама уже осталась позади.

И они продолжают кружить в белом, бредя за руки сквозь падающий снег.

Но в конце концов не выдерживают и, сдавшись, садятся на подвернувшийся им автобус.

Здесь толкотня и давка, народу полно, но они находят одно на двоих свободное место.

Валерии хочется, чтобы сел Аврор, ведь она, хоть иногда, еще вспоминает про его ногу. Он же хочет, чтобы села она. В конце концов, приходят к разумному компромиссу: садится он, а Валерия, в соответствии с компромиссом, — устраивается у него на коленях. Чтобы не упасть, придерживает его за шею.

— Смотри, — говорит она, указывая на стоящего впереди человека. — У него такая же пилотская шапка, как у меня.

Аврор согласно кивает:

— Да, у нас такие шапки называют «верблюжья задница».

— Что? — смотрит она с возмущением. — Ты оскорбляешь мою шапочку? Разве можно такое говорить дамам?

— А как надо сказать?

— Надо сказать: «Какая, мол, у вас приятенькая шапочка!»

— Но я же не виноват, что такие шапки у нас называют «верблюжья задница», — упорствует он.

— А у нас говорят... У нас говорят: если у человека на лице много морщин, то у него лицо как «куриная задница».

— Это ты про мое лицо? У меня много морщин? — в голосе проскакивают обиженные нотки.

— Нет, это просто у нас так говорят.

Так, оживленно беседуя, они продолжают путь.

Потом Аврор говорит:

— Надо проехать на одну остановку дальше. Там в магазине всегда есть свежий хлеб.

— А это обязательно? — смотрит на него Валерия. Ноги уже так устали, за день они набродились изрядно, тем более она еще помнит не только про свои ноги. И знает, что он постоянно старается для нее что-то сделать.

— Мы же вчера покупали. Там больше полбуханки. Может, не пойдем?

— Хорошо, — тут же соглашается он. — Не пойдем.

И они выходят на своей остановке и по тропке идут домой.

Странно, но эту комнату с синим полом Валерия уже начинает считать домом. «Цвет небесный, синий цвет...»

— Кажется, я начинаю догадываться, почему тебе нравится жить в этой синей комнате, — говорит она, когда Аврор снимает с нее шубу. — Наверное, синий цвет напоминает тебе воду рек, по которым ты ходил на байдарках.

— Может быть, — кивает он. — Только я никогда об этом не думал.

Переодевшись, она, как обычно, идет в ванную. А он на правах хозяина — на кухню. На ее попытки оказать ему кухонную помощь он отвечает отказом. Так что в ванной ей самое место.

Сквозь журчание воды она слышит на кухне его шаги, а в себе — какое-то новое необычное звучание. Строчки еще только-только начинают проклёвываться, но главное в них уже есть: двое идут по вечернему городу. Они уже не так молоды... Но то, что происходит с ними сейчас, происходит словно впервые. И все нереальнее становится мир вокруг, реально только то, что им снова по семнадцать лет.

С этими начинающими звучать строчками Валерия выходит из ванной. Чтобы их не растерять, осторожно присаживается к столу.

Аврор просит подать хлеб. Валерия протягивает руку к полиэтиленовому пакету, вытаскивает, подает. А в ней самой все еще продолжает звучать...

Он берет хлеб в руки и вдруг морщится:

— Правду говорят, послушай женщину и сделай наоборот!

— Что? — смотрит она, не понимая.

— Ведь говорил! Надо сходить за хлебом! Так ведь нет — все надо сделать по-своему! — проносит он вдруг откуда-то взявшимся нежи-

данно дребезжащим голосом. Валерия даже и не знала, что у него есть такой голос.

— Лично я такой отсыревший хлеб есть не буду! — и, поджав губы, он брезгливо отодвигает его от себя.

Валерия продолжает не понимать. Только строчки уже готовые вот-вот... вдруг начинают куда-то потихоньку исчезать.

Только что рядом в театре был человек... Совсем другой человек! Вернее — там-то как раз и был тот!

— Аврор Боримирович... — сказала и не узнала собственного голоса. — Я, наверное, чего-то не поняла. Вы сейчас разговаривали со мной... Будто я ваша жена, причем столетней давности. Может, вы забыли — я ведь всего-навсего ваш гость. Я у вас в гостях.

— Да, в гостях! — в той же ядовитой тональности продолжил он. — И я стараюсь как могу! Из всех сил пытаюсь тебя развлечь! Не жалею ни времени, ни сил, ни денег! Не хожу даже на работу, чтобы уделить тебе внимание! Так неужели трудно сделать то, что просит мужчина, — купить свежего хлеба?

— Так, подожди! Давай разберемся...

— А нечего разбираться!

Валерия ощущала — что-то рушится. Что-то, еще только-только начавшее создаваться... И как это удержать — она не знала.

— Во-первых, ты не особенно и настаивал... Даже практически совсем не...

— А я и не должен настаивать. Если мужчина сказал — это должно быть для женщины законом.

— Но ты для меня еще не мужчина. Мы же только что установили, что я всего лишь твой гость. Тобой приглашенный гость...

— Ах, не мужчина? — услышал он только это. — Ну спасибо! Была бы хоть последовательна! Только что в театре сама говорила: «Смотри, как надо вести себя с женщинами! Женщины уважают в мужике крепкое слово, силу. Иногда надо и кулаком пристукнуть!» Не говорила?

— Говорила. Но я говорила не о нашей ситуации, которой еще практически нет. Скорее — о твоей, с желанием помочь, разобраться. Да и о своей тоже: может, мне-то в той ситуации как раз и не хватило мужика, который в нужный момент смог бы проявить характер. Не

допустил слабину... Мы же просто хотели разобратся, помочь друг другу.

— Хотели, — кивнул он. — И что, тебе было плохо со мной?

— Мне? С тобой? — что-то вспыхнуло и погасло внутри. — Мне с тобой не было плохо! Мне с тобой... Можно даже сказать, было хорошо! До этой минуты. До этой самой минуты.

Тон отдавал ядреной горечью.

— Ах, значит, это я во всем виноват? Это я все испортил?

Валерия чувствовала, что летит в пропасть. Что они оба летят в пропасть. Уж слишком все было... Хорошо слишком было, чтобы теперь что-то исправить.

— Послушай... Ведь ты же, ведь вы... Бывал в экстремальных ситуациях. Видел смерть в лицо. Значит, должен знать меру истинных ценностей. Так неужели этот хлеб, ладно бы его не было — неужели это повод, чтобы... Вот так все взять и... Ну ладно, раз уж ты считаешь, что я такая эгоистка — не пошла с тобой за хлебом... Сделал бы свои выводы — и все. Я бы уехала! Но зачем же вот так? Зачем?

— А вот как раз и затем! Ты об этом сейчас сама и сказала. Да, я знаю меру истинных ценностей. Знаю, как правильно все рассчитать. Именно поэтому никогда не попаду впросак, ни в какую в глупую ситуацию. И я должен точно знать, что у меня есть в доме. Чтобы проснуться утром и знать, что на подоконнике лежит свежий хлеб. Что с утра я могу нормально позавтракать, пойду на работу и не останусь голодным. А тот, кто все пускает на авось, на самотек, кто не умеет все правильно рассчитать...

Валерия слушала, слушала, и какая-то недопроявленная мысль муссировала сознание.

— Так... Кажется, я поняла...

— Что? — почувствовал он интонацию.

— Кажется, я поняла... — еще пыталась она себя сдерживать. — Почему от тебя уходят женщины.

— Ну? И? Почему?

— Потому что... Потому что... — последняя попытка удержаться. — Да потому что ты же зануда!

Слово вырвалось, став для нее и самой открытием.

— Я? Зануда? — подскочил он на месте. — Это я-то зануда? Ну, спасибо, отблагодарила! За все отблагодарила!

Аврор Боримирович вскочил и начал выписывать круги по комнате.

— А что, разве тебе это никто не говорил? — удивление ее было искренним.

— Еще чего! Попробовал бы мне кто-нибудь сказать! Я, значит, для нее все делаю, бегаю, стараюсь, все дни наизнанку выворачиваюсь, только чтобы ей было хорошо, не жалею ни времени, ни сил, ни денег...

— Вот-вот! Я бы все твои старания и так оценила. Да я и оценила их! Но тот, кто постоянно все про себя рассказывает, объясняя все свои действия, тот и есть зануда!

— Да? А ты... Ты знаешь кто? Да ты просто привыкла вертеть своими мужиками! Тебе настоящий-то нормальный мужик еще и не попадался! Такой, чтобы сказал: «Цыц!» И повертела бы ты хвостом тогда, поездила...

— И слава богу, что не попадался, — вздохнула, отвернувшись, Валерия.

— Нет, ты вообще знаешь, что ты сделала? Ты хоть понимаешь — что ты сделала? — обойдя вокруг, остановился он против нее.

— И что я сделала?

— А вот то! Я думал, ты тонкий человек из особой материи. Я таких, может, никогда и не встречал! Да я счастлив был, что встретил такую женщину! Я боготворил тебя все эти дни! Ты была моей богиней! И сейчас ты, уже почти ставшая моей богиней, королевой... Устроила мне скандал, как, как... Как самая обыкновенная земная баба!

— Я? Устроила скандал? — застыла в немом удивлении Валерия. — Ты ничего не перепутал?

Она понимала лишь одно: лавина несется и ее уже ничем не остановить.

— Вчера я спросил у тебя: оставишь ли ты мне свой адрес? А ты только ручками развела! — продолжал Аврор Боримирович свою укорительную речь. — Походила, значит, по экскурсиям, поездила. Попользовалась и все? Эгоистка!

Продолжать диалог смысла уже не было, но и остановить с ходу было невозможно.

— А ты не эгоист? Даже строчку сочинил: «Я тебя никогда не забуду, если ты будешь помнить меня!» Заранее, значит, условия ставишь: если я тебя буду помнить — значит, может, и ты не забудешь. А если не буду? Наплюешь и забудешь?

И спросила почти без перехода:

— У нас водка есть?

— Водка? Зачем тебе?

— Да... так... Если уж я обыкновенная земная баба, так и напьюсь сейчас как обыкновенная земная баба! — слова про богиню и королеву все-таки задели... Не задели даже — ранили. «Вот так, раз в жизни окажешься богиней и королевой, и нате...»

— Чтобы уж ты поверил в это окончательно! — и плеснула в подставленный бокал ядовитой жидкости.

— Только знаешь, что я тебе скажу... Я тоже тебе скажу.... К богиням — к ним не пристают со скандалами о хлебе. Богини живут на небесах. Им вообще нет дела ни до чего земного!

— А я все равно найду свою богиню! И она будет мне мыть полы, готовить обеды и пойдет за мной в огонь и воду. И все равно будет самой лучшей женщиной на свете. Которую я буду боготворить и носить на руках!

— Такие богини у тебя уже были... Впрочем, все это одни слова. Все это умеет делать каждая женщина и не считает за подвиг. Но дело не в том...

Валерия выпрямилась, встав со стула.

— Но я хочу сказать другое... Чтобы ты тоже знал. Ты сегодня был... Да, ты сегодня был таким... — слова вязли, застревая, словно боялись обжечь горло. — Ты тоже был моим Героем! Да, с большой буквы! Ты был таким... Красивым, элегантным, нежным. Даже умным!

— Ну, спасибо! Пусть хоть так.

— Да я просто гордилась тобой! Гордилась, что я рядом с таким мужчиной! Со мной, может, такого и не было-то никогда! Я будто заново родилась. А ты все взял и...

— Значит, это я во всем виноват?

— Какая теперь разница! — горячая жидкость, еще не тронутая в бокале, уже вот-вот готова была выплеснуться брызгами из глаз. А это было бы уж совсем ни к чему...

— Ладно, давай лучше поднимем тост, — взметнула она ладонь в воздухе: — За несостоявшуюся богиню и... за несостоявшегося Героя!

Бокалы соприкоснулись, легким звоном озвучив воздух.

Валерия обошла кровать и рухнула, тут же потерявшись в ворохе белого. Белого на синем. Хорошо все же, что кровать такая большая.

— Спокойной вам ночи, Мирович — Борими-рович.

«Хоть ты и БориМирович, никакого мира не получилось».

И вот снова вокзал. Очередь за билетами...

И долгое кружение по городу, с попыткой проветрить, понять.

«Спасибо, помог... Уж так помог — больше некуда! Спасибо этому гостеприимному городу, спасибо тринадцатому вагону!»

Она уже и не знала, когда было хуже: той ночью в Радынкино или сейчас, в чужом городе, так гостеприимно распахнувшимся сначала. «Двойная порция виски в кофе хороша, наверное...»

Но что же произошло?

Был человек, случайный человек с поезда. Хотя, если верить утверждению великого Разума, ничего не бывает случайным. Попутчик. Человек, с которым на определенном отрезке жизни и времени им оказалось по пути.

И была женщина. Человек-женщина, превратившаяся в зомби. Человек-женщина-зомби. Которая сама не знает, куда и зачем едет, которую трясет от случившегося в ее жизни. И она садится в поезд и едет... Потому что не ехать она не может, не может остановить себя в одной точке. Она знает: ехать надо — и это единственное, что она знает вообще.

И вот она садится в вагон, и какой-то смешной мужик с грелкой обращает на себя внимание. Он обращает внимание не чем-то там особенным, а просто потому, что, глядя на него, она пытается понять что-то для себя.

Потом...

Ее поражает его история. Человек без ноги, беруший пороги.

Она глядит на него и думает: «Хорошо, что есть такие. Такого так просто не собьешь. Такой привык все решать сам. Такой устоит, сумеет...»

И в то же время... В ней живет комплекс. Комплекс женщины, привыкшей быть непобедимой и вдруг получившей удар со стороны, с которой меньше всего ожидала. И — подсознательная попытка утвердиться хотя бы в глазах этого мужчины.

Да, все примерно так и было. Она одновре-

менно не хотела и хотела этого! Потом его рука, протянутая к ней... Тепло этой руки.

И все же — нет! Там еще ничего не произошло, ничего не случилось. Такое не случается в один миг. Скорее даже разочарование: «Не устоял...»

Все началось потом, позже.

Когда?

Когда рассказывала ему о своем? Нет... Носилась вместе по городу? Были в гостях у Валентина? Пили кофе на вокзале? Нет, нет...

Когда, повернувшись возле шкафа, он спросил: «Ну как?» Взглянул на нее как-то по-новому и сам был весь какой-то другой, новый.

Их поездка, вернее — полет на такси. Театр, вечерний город. Снег падающий. Мелодия, вдруг начавшая звучать...

Валерия усмехнулась.

Но что об этом... Об этом не стоит. Теперь ей просто нужно дожить до спасительного вечернего поезда. Она должна была уехать завтра, но билеты, слава богу, удалось поменять.

И надо попытаться уничтожить воспоминания. Такие острые, такие ненужные сейчас...

Она вспоминает, что у нее в фотоаппарате есть один кадр. Находит мастерскую и заказывает фотографию. Всего одну. Потом щелкает на кнопку и удаляет вместе с кадром еще одно досадное недоразумение из своей жизни.

А фотографию эту она отправит ему — пусть уж сам решит, что с ней делать. На флешкарте, кстати, еще полно места: они собирались сходить к памятнику Васнецову, в Дымковскую слободу. Он хотел подарить ей дымковскую игрушку...

Она получает фотографию. На ней они стоят рядом, плечом к плечу. Он почти на голову выше высокой Валерии. Стоят на фоне еще не убранных театральных декораций. Милый семейный интерьер: стол, стулья, шкаф, кровать. Если не знать, что это декорации, можно подумать, что они стоят на фоне интерьера из их собственной семейной жизни.

Она покупает конверт, кладет в него фотографию, запечатывает... И отправляет по адресу дома с синим полом.

Ну, вот и все!

А до поезда еще полно времени. Она кружит по городу, узнавая знакомые места. Вот цирк, где вчера шли, взявшись за руки. Телеграф,

откуда звонили. А вот Киров в плаще, про которого он сказал, что в этом районе холоднее, потому что здесь Киров в плаще. А вот Киров без плаща. В этом районе должно быть теплее. Теплее...

До поезда остается уже два часа. Еще два часа! Целых два часа...

Она торопит время, чтобы поскорей уехать из этого города. У нее остались маленькие подарки, памятные знаки: карта города, которую он ей купил, программка спектакля... Валерия знает: сюда она больше не вернется. Даже если он позвонит. Даже если напишет. Даже если...

Опустив руку в карман, вытягивает какую-то бумажку. Ах да, та самая, с адресами: он вручил ей еще тогда, в поезде. Она вытаскивает ее из кармана, минуту смотрит и... скомкав, кидает в урну.

Рука нащупывает и еще что-то... Таксофонная карта, которую он ей покупал. Ее тоже придется выкинуть. Хотя почему выкинуть? Она же может по ней еще позвонить. Причем по всей России!

И она тут же делает это. Звонит своей тете в Питер, ведь она же все равно едет через Питер. Значит, завтра сможет к ней зайти. Конечно, она не станет рассказывать ей эту душещипательную историю, скажет просто, что ездила в Вятку по делам.

Валерия набирает питерский номер.

Все в порядке. Тетя ждет. «Если у вас нету тети...» Хорошо все же, что она есть!

Вешает трубку. На табло высвечивается: «Осталось 15 бит».

Валерия смотрит на эти словно заколдованные ее цифры: «Осталось 15 бит». Куда бы пристроить эти 15 бит?

И вдруг... развернувшись, бежит в зал, куда десять минут назад выбросила бумажку с телефоном. Роется в урне, словно последний бомж. Снова подлетает к телефону. Начинает накручивать длинный номер сотового...

Она и сама не понимает, зачем делает это? И куда девалась ее девичья гордость? Да есть ли у нее вообще эта самая «девичья гордость»? Но все же какое хорошее устройство — мобильные телефоны, они помогают найти человека в любой точке земного шара.

— Аврор Боримирович?

— Валеринка, ты? — голос отозвался сразу.

— Я хочу сказать... — и откуда только взялся у нее этот странно чужой даже ей самой голос. — До свиданья, Аврор Боримирович!

— Подожди, не вешай трубку! Ты откуда звонишь?

— С вокзала, — почему-то отвечает она, хотя совсем не собиралась этого делать.

— Ты каким поездом едешь? Во сколько?

— Питерским. В шесть часов, — почему-то отвечает, хоть совсем не собиралась этого говорить.

Больше ничего сказать она не успевает. Трубка отзывается гудками.

Выйдя с телеграфа, она принимается нервно ходить, выписывая круги. Она и сама не знает: хочет ли, чтобы он пришел, не хочет ли. А если придет — то какой придет? Тот, которого встретила здесь несколько дней назад? Чужой, усталый, пожилой человек? Или тот — молодой, красивый, нежный, который был с ней вчера в театре? Самоуверенный курдюк, назидательным голосом вещающий прописные истины?

Она запуталась в этих людях, она не знает, который он — настоящий?

«Возьми себя в руки! — уже почти приказывает она себе. — И прекрати сейчас же нарезать круги по вокзалу!»

Говорят, когда нервничаешь, лучше всего чего-нибудь перекусить, и она заходит в маленькое привокзальное кафе. Берет сосиску, кетчуп, кофе... Пилит тупым ножом сосиску, размазывает по скользкой тарелке кетчуп. Холодный жидкий кетчуп, холодный жидкий кофе, холодный жидкий...

Она сразу узнает фигуру, пронесшуюся за стеклянной стенкой бара. И сразу, даже на первый взгляд, отмечает: что-то не то. Что именно — понять не успевает, но только видит, что это не набитый курдюк, не тот, пожилой чужой, не сегодняшний...

— Это вам, мэм!

Он заходит в бар и кладет перед ней на стол длинный, укутанный бумагой сверток. Валерия заглядывает внутрь. Там, упакованная в прозрачный целлофан, прячется элегантная роза. Наружу выглядывают лишь нежные кончики лепестков.

— Спасибо! — Валерия старается, чтобы голос

звучал ровно. — Но цветы обычно дарят при встрече, а не при прощании.

— А это еще и не прощанье.

Наконец она взглядывает на него вблизи.

Он стоял перед ней в распахнутой куртке и чуть скошенной набок шапке. Вроде все как обычно, правда, шапка одета уж с какой-то непривычной лихостью.

— Я сейчас, — вдруг значительно говорит он. — Только телохранителей отпущу.

— Телохранителей? — смотрит, не понимая. — Ты что — за это время успел стать такой важной птицей, что нуждаешься в охране?

Не отвечая, он шагает к дверям... И за стеклянной стенкой бара Валерия действительно видит двоих — мрачноватого вида, как и полагается телохранителям. Правда, выглядят они с ним рядом как пигмеи из страны лилипутов рядом с Гулливером.

Он им что-то говорит, и те исчезают, словно растворяются в воздухе.

А он, возвратившись, берет стул и усаживается напротив, упираясь локтями в стол.

— Так что насчет телохранителей? Я так и не поняла. Ваше тело что, нуждается в охране? Для чего?

— Не для чего, а для кого! Для вас, мэм!

— Да? Я даже и не знала, что оно имеет такую ценность.

— Так... Ты что-то имеешь против моего тела? Валерия чуть усмехается.

— Я не могу против него чего-то иметь или не иметь. Я его практически не видела. Днем вы водили меня по экскурсиям, а ночью мы вели содержательные беседы на самые душещипательные темы.

— Угу, — кивает он. — Скажи лучше, Валеринка, ты уже билеты купила?

— Купила.

— Покажи!

— Зачем? — пожимает она плечами. — Они лежат у меня в сумочке.

— Я сказал: покажи мне билеты на поезд. И документы к ним тоже покажи.

— Ну хорошо, — решает она реагировать как можно спокойней. — Раз для тебя это так важно.

Она достает из сумочки и протягивает ему билеты. Он смотрит. Долго смотрит...

И вдруг начинает возмущаться:

— Это что за билеты? Что за вагон? Тридцать первый? Да таких вагонов просто не бывает! В природе не существует! Люди вообще не должны ездить в таких вагонах! Черт знает что!

Валерия смотрит с недоумением — на них уже начинают оглядываться.

— Аврор, ты почему ведешь себя так? Почему скандалишь?

И тут до нее начинает доходить.

— Да ты же... пьян!

— Да! — говорит он с неожиданным вызовом.

— Я пьян! Ты сказала, какой я! Зануда, эгоист, какой я еще? А я еще бываю и такой!

— А может, ты вообще запойный алкоголик? Лучше предупреди сразу!

— А всякий, Валеринка! Всякий! Ты вот мне лучше ответь: где ты была сегодня около часа дня? Почему тебя не было на вокзале? Я носился всюду, искал! Где ты была?

— Ну уж, знаешь... Прости, пожалуйста! Я же не знала, что тебе придет в голову — сначала рассориться со мной, а потом меня повсюду искать!

— Стоп! — делает он жест рукой. — Помолчи пока. Я возьму себе кофе.

Он отходит к стойке — и ей становится страшно: она видит, как он пьян! Уж лучше бы и не приезжал такой!

Но он уже возвращается. Ставит на стол пластиковый стаканчик и делает глоток горячего.

— А я искал тебя... Кружил на такси по всему городу, больше двух часов караулил на вокзале. А потом пошел по ресторанам! По кабакам! Пошел пить!

— Да уж... — кивает она. — Лучше бы ты пошел по ресторанам вместе со мной.

— Валеринка, подожди... Дай мне сказать. Отвечь мне, что я должен сделать?

— Что? Мне ты ничего не должен.

— Я спрашиваю: что я должен сделать, чтобы ты осталась?

— Осталась?

— Да. Что я должен сделать, чтобы ты осталась здесь, со мной?

— Ну... — к ответу Валерия явно не готова. — Для начала — протрезветь.

— Ты говоришь не то.

— А как я могу сказать тебе то? Я скажу «то» и... Пей лучше кофе, Аврор, пей!

Под ее давлением он делает несколько глотков.

— Ты должна мне ответить, иначе...

— Что — иначе?

— Так... ничего, — шмыгнул он носом. — Слушай, Валерин, у тебя носовой платок есть?

— Носовой платок? — смотрит она с недоумением: смена темы уж слишком... — Зачем тебе мой носовой платок?

— Я буду плакать, а ты вытирай мои слезы.

— Еще не хватало! Он будет плакать, а я — вытирай слезы! Делать мне больше нечего. И не подумаю. Плачь так!

— Тогда они будут капать прямо в кофе... У меня будет кофе со слезами. Посмотри в свою сумочку — там должен быть носовой платок!

Валерия хотела было ответить, но воздержалась.

— У каждой женщины в сумочке должен быть носовой платок.

— А ты что — заглядываешь в сумочки всем женщинам? — она заметила: к их разговору явно прислушивается буфетчица. Барменша то есть.

— Говорю тебе: открой свою сумочку.

Деваться было некуда — она открыла. Странно, там действительно лежал носовой платок.

— Достань его и вытирай мои слезы.

— Ну, хорошо, — сдалась Валерия, прижимая платок к его щеке. — По крайней мере, я хоть буду знать, зачем брала с собой носовой платок.

— Валерин, ты ушла... Я стал убираться в комнате и вдруг увидел: под моей рубашкой, которую ты носила, — книжка. А в ней — твой адрес и телефон. Они настоящие, не вымышленные?

— Да вроде нет.

— Послушай меня, внимательно послушай, Валеринка... Вчера мы были с тобой в театре... Ты сказала... Ну, каким должен быть мужчина. Настоящий. А я принял твои слова всерьез. Слишком всерьез... Поэтому все так глупо и получилось.

— Да зачем тебе мои слова... — продолжала она промокать его слезы (как ни странно, они действительно были). — Ты и так настоящий и без всяких моих слов. Тебе они не нужны. Разве ты не понимаешь...

Она говорила и промокала его слезы своим непонятно откуда взявшимся платком, между ними на столе лежала роза... А от стойки бара на них поглядывала барменша... Поглядывала — и улыбалась.

За прозрачной стенкой вырисовались два охранника. Они показывали на часы.

— Пора.

Аврор прихватывает одной рукой ее дорожный рюкзачок, Валерия берет розу, и они все вместе поднимаются наверх, к выходу на платформы.

Охранники тактично отстают, вышагивая немного сзади.

Наверху скользя, пол заледенел. Зима все же, вятская зима...

Валерина забывает, что он не совсем трезв и что вторая нога у него не совсем нога. Как-то за эти дни стало и забываться. Только вдруг...

Он поскользывается на обледенелом полу и...

— Аврор! — бросается она к нему, следом подбегают два охранника.

— Все нормально! — отвергает он их помощь. Быстро поднимается, и Валерина вспоминает, что ногу ему надо ставить только на ровное. Он смешил ее, рассказывая, как иногда в автобусе ему говорили: «Гражданин, вы стоите на моей ноге». А он невозмутимо отвечал: «Извините, сейчас уберу».

А впереди — длинный крутой спуск на платформу. Ступени обледенели, и ей становится страшно. За него страшно.

А он говорит:

— Держись за меня! Держись за меня, Валеринка, и ничего не бойся! — и начинает стремительно спускаться, просто лететь вниз!

Валерия, рука которой лежит на его согнутом локте, уже не понимает, кто здесь кого держит? Понимает она только одно: если они упадут, то упадут вместе, своей инерцией он утащит и ее — укатятся по длинной обледеневшей спусковой лестнице. И, уговаривая, она придерживает его:

— Не спеши, Аврор, пожалуйста, не спеши!

— А ты не бойся! Ты главное — держись за меня! В жизни держись, Валеринка! И тогда тебе ничего не будет страшно!

И они несутся вдвоем вперед по скользким обледенелым ступеням. А два здоровых охранника едва за ними поспевают.

На платформе они все-таки находят тридцать первый вагон. Оказывается, такой действительно существует.

— Иди займи место, — говорит Аврор. — Потом спустишься.

И когда с рюкзачком она уже поднимается по ступеням, кричит вслед:

— Да, надо же купить тебе продуктов в дорогу!

Положив вещи, Валерия спускается снова и видит, что он закупил у продавщицы почти весь ее лоток.

— У тебя нормальное место? — вручает он ей упакованный мини-маркет.

— Нормальное, — кивает она. — Боковое, — и, чуть помолчав, добавляет: — Боковое верхнее.

— Что? Опять? — ползут вверх его брови. — Валерин, ты смотри там только ни с кем не меняйся! И на попутчиков не гляди!

Валерия смеется.

— Ну, не каждый раз такие попутчики попадают!

А потом «телохранители» тактично отходят в сторону. И они остаются вдвоем. Одни вдвоем...

— Да, Валерин, я хотел тебе сказать... Та строчка, которую я сочинил... Она, конечно, глупая совсем, я понимаю. И пусть в ней ничего не состыковывается, а только... Я ее переделал! Она теперь звучит так: «Я тебя никогда не забуду — даже если забудешь меня!» Поняла? Даже если ты забудешь, я тебя все равно буду помнить! Ты поняла?

— Поняла, — кивнула Валерия.

— Ну тогда — иди.

И, кивнув, она послушно пошла вверх по ступеням.

Она поднимается вверх по ступеням и уже оттуда, из освещенного тамбура, смотрит на него. Валерия не знает, увидит ли его еще когда-нибудь, и поэтому ей хочется запомнить его как следует.

Он стоял перед ней на стылой платформе Вятско-Кировского вокзала. За его спиной торчали два охранника. Немелкие ребята, рядом с ним они казались просто малышами. Его белая заячья шапка куда-то делась. Волосы на голове растрепались, открыв высокий лоб. Куртка была распахнута, из-под нее выглядывал воротничок рубашки, той самой, в которой он ходил в театр.

У него были широкие плечи и осанка уверенного в себе человека. Это был тот мужик, который брал пороги, видел смерть в лицо и ничего не боялся! Самый красивый, самый мужественный, самый обаятельный мужик на свете. И он улыбался ей.

Он махнул рукой, чтобы Валерия шла в вагон. И она пошла.

Но, когда выглянула из окна, чтобы помахать напоследок, увидела, что он вместе с охранниками суетится возле лотка с мягкими игрушками. И вдруг какой-то большой продолговатый пакет поплыл над головами прямо в руки изумленной проводницы.

Валерия поспешила к выходу. В руках строгой проводницы оказался огромный бежевый пес в полиэтиленовом пакете.

— Это еще зачем? Как я потащу? — дернулась Валерия, но проводница сказала ей строго:

— Ну что уж вы так? Для вас же старается!

И тогда, посмотрев на удаляющиеся фигуры, она крикнула:

— Аврор!

Три фигуры обернулись одновременно.

— Спасибо! Спасибо тебе! — и помахала в воздухе полиэтиленовым пакетом. — За все спасибо!

Поезд тронулся.

Лицо еще мелькнуло... «Телохранитель», указывая на нее, махнул рукой... И всё.

Она прошла и села на свое место, прижимая к себе свалившегося к ней почти с неба плотного вислоухого пса. И сидела так долго, долго, очень долго...

А мимо пронеслись полустанки, гукали встречные поезда, о чем-то тихо переговаривались пассажиры. Ее же душа находилась где-то далеко, совсем в другом месте...

*А где-то там снега или дожди косые,
Пронесутся такси, над городом звеня,
А милый мой живет на станции «Россия»,
А я живу при нем, на станции «Земля».
Меж нами — города, огни и расстоянья,
И уханье в ночи гудящих поездов...
Но я к нему примчусь по линии «свиданье»
В вагоне голубом из лучезарных снов.
Я глупые слова промолвлю втихомолку,
О, если это сон, то самый лучший сон!
Качает над землей меня вторая полка,
И мчит меня вперед тринадцатый вагон!*

Когда на следующий день в Питере, усаживаясь на свой местный поезд, Валерия пробиравалась по проходу, то услышала за спиной:

— Вот как домой возвращаться надо! С игрушками, с цветами!

— И только так! — улыбнулась она, прижимая к себе розу и улыбающегося вислоухого пса.

□

Наталья ЛАВРЕЦОВА —

прозаик, поэт.

*Родилась и выросла в Карелии, в городе Петрозаводске.
Окончила Ленинградскую лесотехническую академию им. Кирова,
работала «ученым лесоводом»*

в Пушкинском государственном заповеднике «Михайловское».

В 1997 году окончила Высшие Литературные курсы.

*Печаталась в журналах «Север», «Carelia», «Двина»,
«Наш современник», «Слово», «Согласие», «Мир женщины»,
«Доля», «Бийский вестник» и др.*

Автор более десятка книг.

*Лауреат премии карельского писателя Бориса Кравченко,
Международной Пушкинской премии (Нью-Йорк),
премии администрации Псковской области (2010 г.),
премии «Журнальный вариант» (Симферополь, 2015 г.) и др.*

Член Союза писателей России.

В настоящее время живет в Пскове (д. Савкино).

